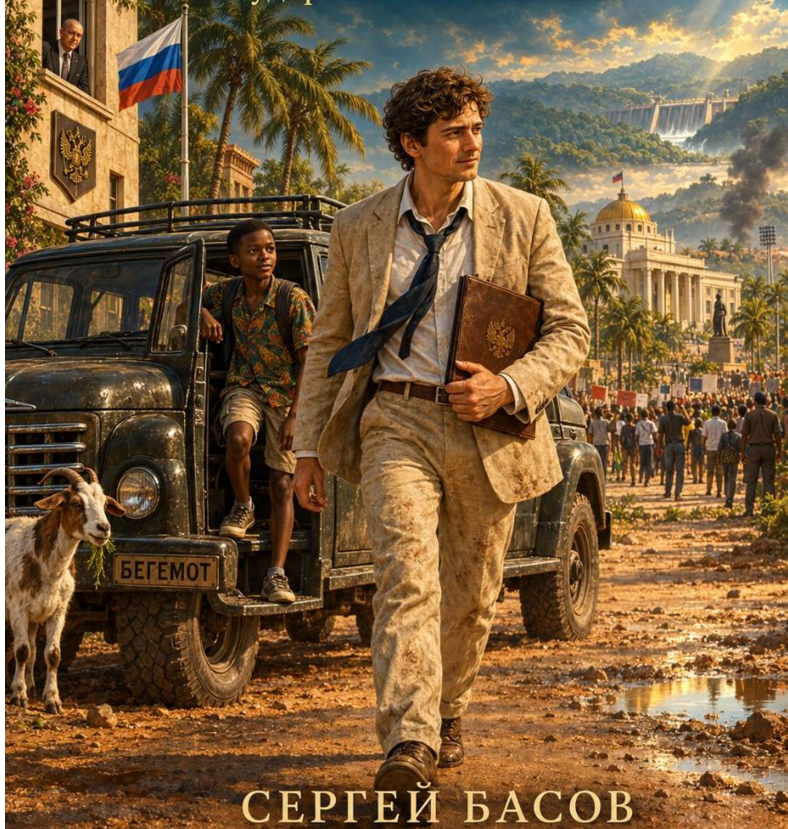

АТТАШЕ

Дипломатическая комедия
государственной важности

Басов Сергей

Атташе

<https://litres.ru/74444539>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой выпускник МГИМО Родион Разумовский отправляется в первую заграничную командировку, уверенный, что дипломатическая служба — это важные переговоры, торжественные приёмы и стремительная карьера. Но в африканской Задонии его ждут капризная жена посла, непредсказуемые чиновники, охота, рынок Мабуды, служебный внедорожник по имени Бегемот и обязанности, о которых в институте не рассказывали.

Вскоре дипломатические будни оборачиваются государственным кризисом. Стране грозит раскол, иностранные соперники ведут свою игру, а от решений вчерашнего студента начинают зависеть судьбы людей. Родиону предстоит понять: дипломатом человека делает не должность, а ответственность за свой выбор.

«Атташе» — приключенческий роман о закулисах дипломатической службы, где большая политика соседствует с бытовым абсурдом, опасность — с тёплой иронией, а серьёзные дела нередко начинаются с умения договориться по-человечески.

Содержание

Часть I. Начало большого пути	5
Друзья	5
Выпускной банкет	13
Опасные преступники	20
Утро молодого дипломата	28
Случай на стоянке	32
Друг отца	35
Аттестационная комиссия	39
Сборы в командировку	46
Недипломатичная беседа	53
Аэропорт	63
Мимолётное видение	66
Хулиганы на борту	69
Часть II. Молодой дипломат	80
Посол России в Задонии	80
Прибытие в Задонию	87
Здравствуй второй дом	94
Посольство	98
Первый друг	103
Ударный кулак посольства	112
Заведующая канцелярией	130
Бегемот	136
Дельный совет	140

Часть III. Работа по специальности	147
Задония	147
Дружеский экскурс в задонскую действительность	152
Рынок	163
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Басов Сергей

Атташе

Часть I. Начало большого пути

Друзья

— Ну, так вот, начальник отдела кадров отчитывает молодого дипломата: «Ваша карьера складывается не лучшим образом. Сразу после окончания МГИМО вы были направлены в Париж, где в нетрезвом виде устроили автокатастрофу. Руководство вас отозвало и направило в Рим. Там вы соблазнили жену английского посла. После этого, уже в Берлине, вас заметили в публичном доме...»

Родион сделал паузу, выдержал её с видом человека, который сейчас положит на стол не анекдот, а секретную ноту, и закончил:

— Молодой дипломат отвечает: «Папа, завязывай с нравами. Куда в этот раз меня направите?»

За столиком взрывом громыхнул смех. Пятеро выпускников МГИМО смеялись так громко, что их соседи начали оборачиваться. Но никто особенно не возмущался. Во-первых, кафе «Корса» давно привыкло к молодым дипломатам, ещё

не испорченным окопными баталиями на внешних рубежах. Во-вторых, сегодня у этой пятёрки был законный повод шуметь: они заканчивали учёбу.

Шесть лет лекций, зачётов, экзаменов, практик, ночных разговоров, больших планов, маленьких подлостей, студенческих романов и преподавательских нравоучений подходили к концу. Впереди начиналась взрослая жизнь. То есть та самая жизнь, к которой они, как им казалось, были полностью готовы.

За столом сидели пятеро друзей.

Юлия — красивая, спокойная, умная и слишком хорошо воспитанная девушка, чтобы первой произнести шутку на грани фола, но достаточно живая, чтобы первой над ней посмеяться.

Родион — её парень. Потомственный дипломат, человек с правильной фамилией, правильными манерами и неправильной способностью превращать любую серьёзную ситуацию в балаган.

Ксения — дочь крупного бизнесмена. Девушка, которая могла утром пить кофе в Париже, вечером смотреть закат на Майорке, а на следующий день искренне страдать из-за плохого автомата с кофе в институтском коридоре.

Николай — красивый, спортивный и опасно обаятельный. О его отце ходило много слухов, но сам Николай относился к ним спокойно. Он вообще ко многому относился спокойно, особенно если неприятности случались не прямо сейчас.

И Иннокентий. Кеша был отдельным явлением. Сын воспитательницы детского сада и сантехника, он ещё в детстве объявил, что будет послом. Родители сначала смеялись. Потом перестали. Потому что Кеша не шутил. Он учил английский, потом китайский, побеждал в олимпиадах, поступил в МГИМО и шёл к своей цели с упорством человека, которому Вселенная по ошибке не выдала дипломатический паспорт при рождении.

Компания была странная. Со стороны казалось, что между ними слишком много различий. Но за шесть лет они так притёрлись друг к другу, что уже понимали не только слова, но и паузы.

— Господа, — сказал Родион, глядя на часы, — а мы случайно не должны сейчас находиться на прощальном собрании у Феликса Леопольдовича?

— Должны, — лениво ответила Ксения. — Но слово «должны» вообще сильно переоценено в современном обществе.

— Поддерживаю, — сказал Николай. — Тем более старик за шесть лет уже сказал нам всё, что хотел. Некоторые мысли даже по несколько раз.

— Нельзя так о наставнике, — укоризненно заметил Кеша. — Феликс Леопольдович — человек эпохи.

— Именно, — кивнул Родион. — А эпохи, как известно, имеют привычку заканчиваться.

Юлия улыбнулась:

— Вы сейчас доиграетесь. Он всё равно нас найдёт.

— Не найдёт, — уверенно сказал Николай. — У дипломатии есть два главных оружия: отрицание и отсутствие на месте.

— Есть ещё третье, — добавила Ксения. — Хороший костюм.

Кеша посмотрел на свой старенький пиджак.

— Тогда я, видимо, пойду по линии отрицания.

Они снова засмеялись. Смех был лёгкий, почти детский. Но где-то под ним уже жила грусть. Все понимали: это последние дни, когда они сидят вместе просто так. Потом начнутся назначения, департаменты, заграникомандировки, чужие страны, чужие правила, чужие люди. И дружба, которая казалась вечной, впервые должна будет пройти проверку расстоянием.

В этот момент у Николая зазвонил телефон. Он лениво достал мобильный, посмотрел на экран и показал друзьям.

На экране высветилось: «Кикимора».

— Настя? — спросила Юлия.

— Она самая, — мрачно сказал Николай. — Совесть нашей группы. Карающий меч посещаемости. Архангел деканата.

— Ответь культурно, — предупредила Юлия.

— Я всегда культурно.

Николай принял вызов и с самым серьёзным лицом произнёс:

— Слушаю вас, оплот учебной дисциплины.

Несколько секунд он молчал. Потом его лицо стало скупающим.

— Настя, дорогая, я хочу, чтобы вы знали: ваше беспокойство о моей судьбе трогает меня до глубины той части души, которая отвечает за посещаемость. Но сегодня я, к сожалению, нахожусь на важнейших переговорах.

Он прикрыл трубку ладонью и шепнул друзьям:

— С общественностью.

Ксения прыснула в чашку.

В трубке что-то резко затараторили. Николай вздохнул:

— Нет, Настя, это не «опять Корса». Это неформальная площадка для выработки стратегических решений перед выпускным.

Он снова послушал.

— Что значит «Феликс Леопольдович ждёт»? Мы все чего-то ждём. Я, например, жду, когда человечество научится спокойно относиться к пятнадцатиминутному опозданию.

Тут Родион, почувствовав опасный поворот, потянулся к телефону:

— Коля, дай сюда, пока ты не объявил войну кафедре.

— Я контролирую ситуацию.

— Именно поэтому дай сюда.

Николай попытался увернуться, но Родион уже забрал телефон.

— Милостивая государыня, — начал он бархатным голо-

сом, — мой друг, безусловно, допустил некоторую дипломатическую неловкость. Прошу вас не принимать близко к сердцу его природную грубость, усугублённую спортивным телосложением и отсутствием тонкой душевной организации.

Кеша закрыл лицо руками.

Юлия тихо сказала:

— Сейчас будет катастрофа.

Родион тем временем продолжал:

— Поверьте, Николай вовсе не хотел вас обидеть. Напротив, он глубоко страдает от мысли, что после выпуска больше не сможет ежедневно наслаждаться вашим безупречным контролем, строгим взглядом и способностью одним сообщением испортить человеку даже самый солнечный день.

Пауза. Родион вдруг изменился в лице. Потом выпрямился. Потом сказал совсем другим голосом:

— Феликс Леопольдович... Рад вас слышать.

За столом стало тихо. Николай медленно отодвинул от себя чашку.

Кеша прошептал:

— Вот теперь началась дипломатия.

Родион слушал. Сначала он улыбался. Потом перестал. Потом кивнул, хотя профессор не мог этого видеть.

— Безусловно, Феликс Леопольдович.

Пауза.

— Совершенно справедливо.

Пауза.

— Нет, ни в коем случае.

Пауза.

— Цветы? Разумеется.

Пауза.

— Пять букетов. Да. В том числе Насте. Особенно Насте.

Пауза.

— Выступление от группы?.. Какая высокая честь.

Он закончил разговор и аккуратно положил телефон на стол. Некоторое время все молчали.

Потом Николай спросил:

— Нас расстреляют?

— Хуже, — сказал Родион. — Нас помиловали.

— Это опаснее, — согласился Кеша.

Родион встал.

— Господа дипломаты, у нас десять минут. Нужно купить пять букетов, явиться к Феликсу Леопольдовичу, принести извинения дамам, не развалить остатки репутации и каким-то образом понять, почему я должен выступать от имени всей группы на выпускном.

Ксения подняла бровь:

— А почему ты?

— Мне кажется... — Родион посмотрел на Николая. — Потому что некоторые люди открывают рот быстрее, чем думают.

— Это называется импровизация, — возразил Николай.

— Это называется локальный кризис.

Юлия поднялась первой:

— Пошли уже. Пока кризис не перерос в санкции.

Кеша вздохнул, поправил свой пиджак и сказал:

— Вот так и начинается дипломатическая служба. С цветов, страха и необходимости красиво выйти из глупого положения.

Родион посмотрел на него с уважением:

— Кеша, запомни эту фразу. Когда станешь послом, выступишь в мемуары.

Они вышли из «Корсы» шумной, красивой, самоуверенной компанией молодых людей, которые ещё не знали, что взрослая жизнь будет смеяться над ними гораздо жёстче, чем они могли себе это представить.

Но пока им было двадцать с небольшим. Они были друзьями. И им казалось, что весь мир можно победить хорошей шуткой, дорогим костюмом и правильно подобранным букетом.

Выпускной банкет

Выпускной бал гремел так, словно МГИМО не выпускал дипломатов, а праздновал победу в небольшой, но очень дорогой войне.

Родители выпускников постарались на славу. Банкетный зал сиял золотом, хрусталём и такими ценами, что официанты смотрели на гостей с уважением, как на людей, способных покупать маленькие государства.

На сцене сменяли друг друга артисты, певцы, ведущие и какие-то невероятно гибкие люди в блестящих костюмах, чьё предназначение понимали не все, но выглядело это дорого, а значит — прилично.

Девушки блистали вечерними платьями, юноши — смокингами и самоуверенностью.

За одним из центральных столов расположилась компания Родиона. Шампанское там не заканчивалось принципиально.

— Коля, ты уже третий раз произносишь тост за международное сотрудничество, — заметила Ксения.

— Потому что я человек мира, — важно ответил Николай, подливая себе виски. — И вообще, дипломатия начинается с правильного алкоголя.

— Нет, — возразил Кеша, — дипломатия начинается с умения молчать в нужную минуту.

— Тогда я точно не дипломат.

В этот момент голос ведущего перекрыл музыку:

— Дамы и господа! Продолжаем определять лучших из лучших! Следующая номинация — «Эксперт леди» и «Эксперт джентльмен»!

— Господи, — простонала Ксения. — Сейчас опять начнётся парад человеческого тщеславия.

— Ты говоришь так, будто тебе это не нравится, — заметила Юлия.

— Мне нравится. Я просто люблю страдать красиво.

Зал захлопал. На сцену выпорхнула Айша Мотиева — счастливая настолько, будто только что выиграла выборы в небольшом европейском государстве.

— Спасибо за поддержку! — сказала она в микрофон.

— Коротко. По-дипломатически, — одобрил Родион.

Следующим объявили Василия Палкина. Тот поднялся на сцену с видом человека, который уже мысленно возглавил министерство.

— Василий, в какой области ты хочешь стать экспертом? — спросил ведущий.

— Судя по телевидению — в области ударений, — серьёзно ответил Василий. — Потому что если я срочно не приду на РБК, слово «дивиденТы» окончательно победит русский язык.

Зал взорвался смехом.

— А парень опасен, — признал Николай.

— Нет, — сказал Кеша, — вот это как раз дипломатия. Улыбаешься и унижаешь.

Тем временем ведущий уже разогревал публику:

— А теперь — «Мистер неподражаемость»! Человек, набравший девяносто пять процентов голосов!

— Всё, — вздохнула Ксения. — Сейчас Разумовский выйдет и начнёт нравиться людям профессионально.

— Это мой дар и проклятие, — печально ответил Родион.

— Родион Разумовский!!!

Под аплодисменты Родион поднялся на сцену, поправил бабочку и взял микрофон так уверенно, словно репетировал этот момент с детства.

— Недавно я хотел отправить сообщение своей девушке со словами: «Я тебя люблю». Но случайно ошибся номером.

Пауза.

— Через минуту пришёл ответ: «Я тоже тебя люблю, сынок».

Зал расхохотался. Даже преподаватели. Даже декан. Даже Феликс Леопольдович, который смеялся редко и обычно только над человеческими слабостями.

Родион дождался, пока стихнет смех, и неожиданно уже серьёзнее добавил:

— Куда бы нас ни забросила жизнь — любите. Людей, друзей, родителей, свою страну. Потому что без этого всё остальное превращается просто в красивую должность.

В зале вдруг стало тихо. А потом грянули аплодисменты.

— Вот гад, — восхищённо сказал Николай. — Даже я почти прослезился.

— Ты просто пьян, — уточнила Ксения.

— Это не отменяет эмоций.

Родион вернулся за стол под дружный гул одобрения.

— Ну что, господа будущие дипломаты, — сказал он, усаживаясь, — кто всё-таки решил посвятить жизнь служению Родине?

— Родина без меня в нефтянке пропадёт, — сообщил Николай. — Отец уже нашёл мне должность с месячной зарплатой больше твоей дипломатической пенсии за десять лет.

— А мне вообще противопоказана работа, — лениво заметила Ксения. — Она ограничивает внутреннюю свободу.

— С такими деньгами твоего отца тебе можно ограничивать только скорость яхты, — сказал Николай.

— А ты, Кеша? — спросила Юлия.

Иннокентий пожал плечами:

— А я всё-таки пойду в МИД.

— Ты ненормальный, — с уважением произнёс Николай.

— Есть немного.

Николай поднял бокал:

— Тогда предлагаю выпить за будущих министров иностранных дел России — Родиона Разумовского и Иннокентия Сомова!

— А если не получится? — усмехнулся Родион.

— Тогда хотя бы за людей, которые будут красиво делать

вид, что всё идёт по плану.

Они выпили. Музыка сменилась на медленную. Родион поднялся и протянул руку Юле. Та улыбнулась так, как улыбаются только в двадцать с небольшим лет — когда кажется, что впереди будет только хорошее. Они вышли на танцпол.

— Смотри, — тихо сказала Ксения, — вот сейчас прямо рождается дипломатическая семья.

— Нет, — возразил Николай. — Сейчас рождается обыкновенная трагедия заграничной службы.

— Не порть момент.

— Я реалист.

Ведущий вновь загремел в микрофон:

— А теперь конкурс на лучшую танцевальную пару! И поможет нам в этом... рок-н-ролл!

Музыка ударила в зал. Толпа радостно рванула на танцпол. Но уже через минуту вокруг Родиона и Юли начал образовываться круг. Они танцевали легко, без напряжения, словно музыка принадлежала только им двоим.

— Всё, — сказал Николай, наблюдая за ними. — Ненавижу красивых людей.

— Особенно трезвых, — добавила Ксения.

Когда музыка закончилась, зал взорвался аплодисментами. Родион и Юля поклонились под свист, смех и крики друзей. К ним тут же подлетел Николай с бутылкой виски.

— За любовь, танцы и отсутствие завтра первой пары!

— У нас больше вообще не будет пар, — вдруг тихо ска-

зала Юля.

На секунду стало непривычно тихо. Но лишь на секунду. Потому что в этот момент ведущий радостно сообщил:

— А сейчас — наш главный сюрприз! Номер «Бокал мартини»!

На сцене разъехался занавес. В центре стоял гигантский фужер, внутри которого под музыку извивалась полуобнажённая красавица, поливая себя шампанским.

— Господи... — выдохнул Николай. — Вот ради этого можно и посвятить себя дипломатии.

— Сядь, — заплетающимся языком предупредил Родион.

— Я взрослый человек и способен контролировать себя.

Через тридцать секунд они оба уже лезли на сцену.

— Я же говорила... — обречённо произнесла Юля.

Николай, шатаясь, зачерпнул шампанское бокалом прямо из декорации. Родион, не желая отставать, сделал то же самое. Зал ревел от смеха. Танцовщица сначала испугалась, потом сама начала хохотать. А потом гигантский фужер жалобно скрипнул.

— Родя... — медленно произнёс Кеша.

— Поздно, — ответила Ксения.

Декорация рухнула. Шампанское, стеклопластик, Родион, Николай и танцовщица слились в один грандиозный клубок.

Зал взорвался. Кто-то смеялся. Кто-то снимал происходящее на телефон. Охрана уже бежала к сцене.

Феликс Леопольдович медленно закрыл лицо рукой.

— А ведь я ещё утром верил в светлое будущее российской дипломатии... — печально сказал он.

Опасные преступники

Районный отдел полиции города Москвы. Правопорядок никогда не спит. Но в этот раз дежурный майор уж слишком усердно задумался об уровне безопасности в столице и, сражённый спокойным дыханием спящего города, немножко забылся прямо у себя за столом. Его лицо упало прямо на разбросанные канцелярские принадлежности.

Стены кабинета были увешаны плакатами с изображениями обольстительных красавиц, но самые пикантные места заботливо прикрывали небольшие мишени для стрельбы, а на месте лиц красовались фотографии самых опасных разыскиваемых преступников. На заставке компьютера терпеливо ожидал своего часа не доигранный карточный пасьянс.

Внезапно эту идиллию прервал телефонный звонок. Майор вздрогнул, поднял голову. На лбу и щеке остались отчётливые отпечатки скрепок.

— Иваныч, тут за этими мажорами приехали! Крутые какие-то, щас права качать будут! — доложил голос из трубки.
— Спускаюсь...

Дверь отдела открылась, и на свежий воздух вышел майор полиции Злобин.

Невдалеке застыл большой чёрный автомобиль представительского класса. Следом за ним стоял огромный джип охраны и пара мордovorотов возле него.

Напротив входа ожидал солидный мужчина лет пятидесяти. Его лицо было слишком волевым для того, чтобы окружающие сомневались: этот человек привык отдавать приказы, а не получать их. Дорогая одежда безупречно сидела на фигуре и недвусмысленно намекала на высокий статус владельца.

Чуть позади стояли охранник исполинских размеров с гарнитурой в ухе и щуплый интеллигентный мужчина в очках с папкой под мышкой.

Майор неспешно спустился по ступенькам, подошёл к гостям и представился:

— Майор полиции Злобин. Чем обязан?

Солидный внимательно осмотрел его форму, затем задержал взгляд на лице.

— Наша милиция нас бережёт. И днём и ночью, глаз не смыкая. Так всех бандитов проспишь, майор.

— У нас все бандиты в районе на индивидуальном учёте, — спокойно ответил Злобин. — Залётных тоже контролируем. Так что можете спать спокойно и другим не мешать работать.

— А те шпингалеты, которые сейчас в твоей кутузке сидят, местные бандиты или залётные?

— Имеется три заявления на задержанных от пострадавших. О нанесении лёгких телесных повреждений артистке, о порче имущества организации и о хулиганских действиях от администрации зала торжественных мероприятий.

Майор сделал небольшую паузу.

— А ещё один гражданин утверждает, что ему нанесли тяжёлую психологическую травму.

— Каким образом? — заинтересовался Солидный.

— Задержанные убедили его, что он никогда не научиться танцевать.

Даже Мендель Натанович кашлянул в кулак. Солидный не отвёл взгляда от майора и обратился к адвокату:

— Мендель Натанович, а у вас какие-нибудь заявления имеются? Или административный ресурс включать будем?

Адвокат услужливо открыл папку.

— Разумеется имеются.

Он достал ворох бумаг и поправил очки.

— Вот заявление гражданки Украины Оксаны Буряковой, находящейся на территории Российской Федерации с нарушениями миграционного режима, о том, что она в рабочее время употребляла алкоголь, использовавшийся в постановке эстрадного номера. После чего потеряла контроль над собственным телом и выпала из рюмки.

Мендель сделал паузу и продолжил:

— Кроме того, гражданка работала без каких-либо средств страховки, чем нарушила сразу несколько статей законодательства об охране труда.

Он извлёк следующую бумагу.

— Вот справка о том, что использовавшийся в постановке реквизит не прошёл сертификацию и вообще не должен был

участвовать в представлении.

Лицо майора оставалось таким же спокойным.

— Далее. Заявление администрации «Чмок Сити Холла». Руководство приносит извинения в связи с тем, что не обеспечило безопасность на сцене вследствие её несвоевременной уборки. Это привело к массовому падению приглашённых гостей и получению ими многочисленных ушибов.

Мендель перевернул ещё один лист.

— Имеются также предварительные расчёты возможных исков...

— Достаточно, Мендель Натанович, — перебил его Солидный. — Думаю, товарищу майору не стоит показывать заявление о незаконном удержании группы лиц. Это может испортить ему не только настроение на остаток дежурства, но и карьеру.

Повисла пауза. Двое мужчин молча смотрели друг другу в глаза.

Майор давно выработал иммунитет к подобным разговорам.

Наконец Солидный нарушил молчание:

— Майор, мне тут один партнёр подарил бутылочку очень эксклюзивного напитка. Думаю, тебе ещё не скоро удастся попробовать что-нибудь подобное.

Охранник немедленно открыл роскошную коробку. Внутри блеснула дорогая коллекционная бутылка. Злобин даже не посмотрел в её сторону.

— Конюхов! — громко крикнул он.

— Я!

— Студентов выпускай! И не забудь взять с каждого расписку, что претензий не имеют.

Пятеро верных друзей остались верными друг другу до конца, поэтому злодейка судьба забросила их в одну тесную камеру.

Уставшие тела вповалку лежали на нарах. Платья и костюмы уже не напоминали того респектабельного вида, которым блистали всего несколько часов назад. Дорогая ткань местами порвалась, а небольшие ссадины на лицах красноречиво свидетельствовали о том, что владельцы этих лиц всё ещё способны за себя постоять.

Полицейский загремел ключами. Дверь открылась.

— Ну что, злостные нарушители общественного порядка, ваши пятнадцать суток переносятся на потом. Для отбытия остатка срока ждём вас в любое удобное время!

Компания зашевелилась. Родион потёр опухшую скулу.

— Думаю, вашу петицию мы даже рассматривать не будем. Международная обстановка не позволяет установить дружеские отношения с вашей организацией даже в ближайшей перспективе.

Полицейский нахмурился.

— Чё сказал?

— Между нашими ведомствами отсутствует договор о сотрудничестве.

— А-а-а...

— Именно это я и сказал.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Ладно, проехали.

— Лучше бы сразу по-русски говорил.

— Я говорил по-русски.

Полицейский подозрительно посмотрел на него.

— Не похоже.

Друзья выбрались из камеры.

Только Кеша никак не мог расстаться с новым другом-сокамерником. Он оживлённо общался с китайцем на какой-то непонятной смеси звуков.

— Кеша! — позвал Николай.

— Сейчас!

— Ты откуда вообще китайский знаешь?

— Это не китайский.

— А что тогда?

— Понятия не имею.

— А он тебя понимает?

— Похоже.

— А ты его?

— Нет. Но это никак не мешает нашей дружбе.

Китаец радостно закивал:

— Да-да!

— Видите? — гордо сообщил Кеша.

Наконец он крепко обнял нового товарища. Они тепло попрощались.

Поддерживая друг друга, друзья выбрались на улицу. Николай сразу заметил отца и виновато опустил голову. Солидный мужчина встретил сына тяжёлым взглядом.

— Так что ты там говорил? Филиал в Дублине возглавить или департамент в Москве?

Николай молчал.

— Я уже в Нефтеюганск позвонил. Там тебя с нетерпением ждут на буровой. Проходчиком.

Компания дружно уставилась в асфальт. Отец потряс телефоном.

— Ваши приключения закончились. Но не мои.

Он ткнул пальцем в экран.

— Сто тысяч просмотров за пару часов только на Ютубе. Впору блогерами становиться. Это у вас хорошо получается.

Он начал зачитывать комментарии.

— «Будущая дипломатическая элита России». Две тысячи лайков.

Молчание.

— «Переговоры с применением супер рюмки».

— Это была лохань, — тихо уточнил Родион.

— Спасибо за экспертное заключение.

— Просто для исторической точности...

— Замолчи.

— Уже молчу.

— Вот и хорошо.

Отец продолжил:

— А вот мой любимый комментарий: «Парни так ярко отметили окончание университета, что их поздравило МВД».

Кеша невольно хмыкнул.

— Не смешно.

— Простите.

— И тебе не смешно.

— Уже не смешно.

— Молодец.

Солидный обвёл взглядом всю компанию.

— Господа дипломаты, запомните одну простую вещь. Когда человек попадает в полицию один раз — это случайность. Когда туда попадает компания друзей — это глупость. Когда туда попадают будущие сотрудники МИДа — это уже международное происшествие.

Даже охранник Слава отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

— А теперь по машинам. Пока вы ещё не успели объявить войну какой-нибудь соседней области.

Николай осторожно поднял голову:

— Теоретически это не наша компетенция...

— В машину!

— Есть...

И впервые за весь вечер будущие дипломаты выполнили распоряжение без обсуждений.

Утро молодого дипломата

Квартира хоть и считалась улучшенной планировки, но всё-таки находилась в старом сталинском доме со всеми его особенностями. Высокие потолки, массивные двери, потемневший от времени паркет и мебель, пережившая не одно десятилетие, создавали ощущение надёжности и прошлого достатка. Всё вокруг выглядело добротным и ухоженным, но одновременно говорило о том, что лучшие времена семьи остались где-то позади.

Когда-то отец Родиона служил дипломатом. Семья жила за границей, бывала в командировках, видела мир не по телевизору. В те годы слово «дефицит» существовало где-то отдельно от их жизни. Но затем всё изменилось. Отец ушёл из жизни, а вместе с ним ушла и часть прежнего благополучия.

За окном лениво просыпалась Москва. Родион сладко спал, раскинувшись на кровати так, словно ночью проиграл сражение с собственным одеялом.

Дверь тихо приоткрылась. В комнату вошла мать. Она несколько секунд просто смотрела на сына и невольно улыбалась. Каким бы взрослым он ни становился, для неё он всё равно оставался тем самым мальчишкой, которого когда-то водила за руку в первый класс.

— Доброе утро, сынок. Вставай, а то на комиссию опоз-

даешь. День сегодня всё-таки важный.

Она присела рядом и осторожно провела ладонью по его спине. Родион недовольно перевернулся на другой бок. На его лице красовался свежий синяк. Мать покачала головой.

— Господи... Дипломат...

— Мам, ну не начинай с утра, — пробормотал он, не открывая глаз. — Это производственная травма.

— Производственная?

— Конечно. Международные переговоры проходили в крайне напряжённой обстановке.

— Судя по физиономии, переговоры победили.

Родион наконец открыл глаза и уселся на кровати.

— Да ладно, какие переживания? С нашим бэкграундом в МИДе уже всё давно решено. Остались одни формальности.

— Ой, знаю я эти формальности...

— Между прочим, будущий дипломат должен излучать уверенность.

— А будущий дипломат должен ещё и вовремя приходить на комиссию.

Родион театрально поднялся на ноги и раскинул руки.

— И столица Швейцарии — славный город Берн — с распростёртыми объятиями встретит надежду российской дипломатии, которая покажет всему миру, как нужно вести международные дела!

Мать протянула ему стакан воды. Родион залпом осушил его и продолжил:

— Его успехи будут столь грандиозны, что великие мира сего станут записываться в очередь за советами. Его имя войдёт в учебники. Его цитаты будут украшать стены дипломатических академий...

— А памятник тебе где поставят? — невозмутимо уточнила мать.

— Минимум в Женеве.

— Скромно.

— Возможно, ещё один в Нью-Йорке.

— На всякий случай.

— Конечно. Для иностранных делегаций.

Мать рассмеялась и потрепала его по волосам.

— Если бы твоя мама сама не проработала столько лет за границей, я бы, наверное, даже поверила.

Она посмотрела на сына уже серьёзнее.

— Жизнь показывает, что пока среднестатистический умница и счастливчик доползёт до ранга посла, его голова успевает покрыться сединой, а медицинская книжка становится толще десяти дипломатических паспортов.

Родион тяжело вздохнул.

— Вот так всегда. Только человек взлетел в своих мечтах...

— А мама заботливо вернула его на землю.

— Именно.

— Кто-то же должен этим заниматься.

После небольшой паузы она добавила:

— Давай вставай, гений. Завтрак остывает.

— Ну вот опять. Карьерные мечты вдребезги разбиваются о суровую реальность жизненного опыта.

Он сладко потянулся и широко зевнул.

— После такого напугствия я не то что летать по служебной лестнице не смогу, я по ней ковылять буду.

— Ничего. Большинство дипломатов именно так по ней и передвигаются.

Родион улыбнулся, подошёл к матери и поцеловал её в щёку.

— Люблю тебя.

— И я тебя, балабол.

Он вышел из комнаты. Мать ещё некоторое время смотрела ему вслед. Улыбка медленно исчезла с её лица.

— Эх, сынок... — тихо произнесла она. — Нет такого посла, который не хотел бы хоть на день снова оказаться на месте молодого и полного сил атташе...

Она посмотрела в окно на просыпающийся город и добавила уже почти шёпотом:

— Только молодые этого никогда не понимают.

Случай на стоянке

Прекрасное московское утро полностью соответствовало прекрасному настроению Родиона. Впереди его ждала настоящая дипломатическая работа. Не лекции, не семинары и не бесконечные зачёты, а та самая жизнь, о которой он столько лет мечтал.

Сегодня мир ещё не подозревал, что совсем скоро получит в своё распоряжение выдающегося дипломата. Но это было временное недоразумение.

На своём стареньком автомобиле, который когда-то вызывал завистливые взгляды прохожих, а теперь удостаивался разве что сочувственных улыбок, Родион торжественно въехал на служебную стоянку напротив МИДа.

— Здравствуй, родное министерство, — произнёс он вслух. — Встречай нового сотрудника. Не волнуйся, я пришёл надолго. Лет через двадцать перееду в кабинет министра.

Автомобиль ответил подозрительным скрипом где-то под днищем.

— И тебя рад видеть.

Стоянка встретила будущую звезду отечественной дипломатии отсутствием свободных мест. Родион сделал круг. Потом второй. Потом третий. Международная обстановка начала осложняться. Наконец он увидел свободное место. Вер-

нее, почти свободное.

К нему медленно подкрадывался старенький автомобиль под управлением пожилого мужчины. Машина двигалась осторожно и задумчиво, словно водитель согласовывал каждый манёвр с Организацией Объединённых Наций.

Родион мгновенно оценил ситуацию.

— Простите, товарищ ветеран дипломатического движения...

И резко нырнул вперёд. Через несколько секунд его автомобиль уже стоял на заветном месте. Победа. Блестящая. Безоговорочная. Немного бессовестная. Старичок остановился рядом. Некоторое время он молча смотрел на молодого победителя. Затем вручную опустил стекло. Появились очки с толстыми линзами. Потом взгляд. Очень выразительный.

— Молодой человек, — произнёс он. — Насколько я понимаю, лекции по этикету в учебных заведениях, где вы обучались, проходили исключительно без вашего участия?

— К сожалению, — серьёзно ответил Родион, — государственная служба не оставляет времени на второстепенные дисциплины.

— Вот как?

— Более того, прямо сейчас меня ждёт экстренное совещание.

— Неужели?

— Международный кризис.

— Где именно?

— Пока не определились. Но без меня ситуация может резко ухудшиться.

Старик медленно кивнул.

— Понимаю.

Родион почувствовал вдохновение. Он наклонился к окну автомобиля.

— Дедушка, я обязательно доложу руководству, что представители старшего поколения с пониманием относятся к внешнеполитическому курсу государства и оказывают всяческое содействие его реализации.

— Очень трогательно.

— Спасибо.

— Молодой человек.

— Да?

— Если вы когда-нибудь станете послом, мир окончательно потеряет чувство юмора.

— А если не стану?

— Тогда у мира останется шанс.

Родион рассмеялся.

— Хорошего дня!

— И вам. Пока ещё хорошего.

Молодой дипломат победоносно направился к главному входу. Старик посмотрел ему вслед и покачал головой.

— Господи... Спаси наше министерство!

Друг отца

Красивый и сияющий Родион, одетый в безупречный костюм, уверенно шагал по коридорам министерства. Он шёл так, будто как минимум возглавлял одно из управлений. Сотрудники спешили по своим делам. Кто-то здоровался. Кто-то просто проходил мимо. Но в воображении Родиона девушки улыбались исключительно ему, а мужчины завистливо провожали взглядом.

В конце коридора находилась дверь с массивной золочёной табличкой. Родион постучал.

— Войдите!

За большим дубовым столом сидел Павел Петрович. Увидев гостя, он моментально вскочил на ноги.

— Родька!

Через секунду молодой дипломат оказался в крепких объятиях.

— Ах ты сорванец! Возмужал-то как! Красавец! Весь в отца!

Он отстранился и внимательно посмотрел на него.

— Хотя нет... Твой отец в твоём возрасте был поскромнее.

— Не факт.

— Факт. Мы свидетели живы.

Оба рассмеялись.

— Да побалагурили мы с твоим отцом в своё время на

внешнеполитических площадках. Нас до сих пор кое-где вспоминают.

— Добрым словом?

— Насколько позволяет дипломатический этикет.

Павел Петрович усадил Родиона, напротив.

— Ну рассказывай. Мама как?

— Всё нормально. Передавала вам привет.

— И ей от меня обязательно передай.

Он на секунду задумался.

— Хорошая женщина. Твоему отцу очень повезло.

Затем быстро вернулся к деловому тону.

— Ладно. Теперь о работе. Вопрос с твоим направлением в Швейцарию практически решён.

У Родиона даже глаза загорелись.

— Правда?

— Правда. Осталась аттестационная комиссия.

— И всё?

— Для тебя — всё.

Павел Петрович внимательно посмотрел на него.

— Но ты у нас человек творческий, поэтому от тебя можно ожидать чего угодно.

— Я сама надёжность.

— Именно это обычно говорят люди перед катастрофой.

Родион сделал вид, что не слышал.

— Кто председатель?

— Иван Аркадьевич.

— Не знаю такого.

— И слава Богу. Авторитет огромный. Министр с ним на "ты". Старик добрый, справедливый и очень опытный.

— Значит, проблем не будет.

— Если не будешь слишком много говорить.

— Это невозможно.

— Я знаю.

Павел Петрович тяжело вздохнул.

— С послем я уже созвонился. Нагрузка будет щадящей. Времени хватит и для работы, и для саморазвития.

— Отлично.

— Поэтому сейчас сходи в буфет, посмотри на наши пенаты, почувствуй атмосферу большой дипломатии.

Он взглянул на часы.

— А в одиннадцать чтобы был на комиссии как штык.

— Буду.

— И ещё.

— Да?

— Постарайся за это время никого не спасать, не перевоспитывать и не учить жить.

— Не обещаю.

— Вот именно этого ответа я и боялся.

Павел Петрович махнул рукой.

— Всё, иди. А то у меня тут бумаги срочные.

Когда Родион уже взялся за ручку двери, Павел Петрович крикнул ему вслед:

— Родька!

— Да?

— Твой отец тоже был уверен, что мир ждёт именно его.

— И что?

— Мир дождался.

На секунду в кабинете повисла тёплая тишина.

— Надеюсь, и меня дождётся.

— Вот это мы скоро и проверим.

Аттестационная комиссия

В кабинете с казённой обстановкой располагался длинный стол. Настолько длинный, что председатель комиссии, восседавший на противоположном конце, казался фигурой почти мифологической.

Несмотря на размеры стола, за ним сидело всего пять человек. Во главе расположился невзрачный старичок в потёртом костюме, очках с толстыми линзами и выражением лица человека, который видел столько дипломатов, что давно перестал впечатляться даже министрами.

По обе стороны от него сидели остальные члены комиссии. Среди них и Павел Петрович, уверенный, что судьба его протеже уже практически решена.

Иван Аркадьевич перелистывал бумаги.

— Кто там у нас следующий, Павел Петрович?

— Разумовский Родион Сергеевич. Красный диплом МГИМО. Английский, французский, португальский — профессиональный уровень. Характеризуется положительно. Активный, эрудированный, общительный. Планируем в Берн, атташе.

— Общительный? — задумчиво переспросил председатель.

— Очень.

— Это ужестораживает.

По комиссии прокатились улыбки. Павел Петрович усмехнулся.

— Молодой ещё.

— Это временно.

Иван Аркадьевич перевернул страницу.

— А не сын ли это Сергея Разумовского?

— Он самый.

Председатель снял очки.

— Хороший был дипломат...

Он на секунду замолчал.

— Очень хороший.

Потом вздохнул.

— Сейчас таких всё меньше. Видимо, почва изменилась.

Раньше дубы росли, теперь какой-то декоративный кустарник пошёл.

Несколько членов комиссии опустили головы, пряча улыбки.

— Ну что ж.. посмотрим на наследника.

— Зовите.

Дверь открылась. В кабинет вошёл Родион. Уверенный. Подтянутый. С идеально завязанным галстуком. И с полной уверенностью, что через полчаса его ждёт Швейцария. Он сделал несколько шагов вперёд. Поднял взгляд. И застыл.

За столом сидел старик с парковки. Мир внезапно потерял устойчивость. Берн медленно начал удаляться.

В свою очередь Иван Аркадьевич тоже узнал молодого че-

ловека. Он снял очки. Потом снова надел. Потом опять снял. После чего поднялся из-за стола и подошёл почти вплотную.

— Надо же...

Он достал платочек. Протёр линзы. Снова посмотрел на Родиона.

— Судьба сегодня прямо в ударе.

По лицу Павла Петровича впервые пробежала тревога. Он начинал что-то подозревать.

— Знакомы? — осторожно поинтересовался один из членов комиссии.

— Немного, — ответил Иван Аркадьевич.

— По работе?

— Пока ещё нет.

Председатель вернулся к столу.

— Молодой человек, объясните нам, пожалуйста, что такое внешняя политика.

Родион собрался.

— Внешняя политика — это деятельность государства на международной арене, направленная на реализацию национальных интересов...

— Это учебник.

— Да.

— А я спрашиваю про жизнь.

Родион замолчал.

— Как вы её понимаете?

— Это искусство находить компромисс...

— Уже теплее.

Иван Аркадьевич поднялся.

— Скажите, вы комара когда-нибудь видели?

В комиссии наступила тишина.

— Видел.

— Представьте его.

Родион послушно представил.

— Лапки представили?

— Да.

— Хоботок?

— Да.

— Хорошо.

Председатель удовлетворённо кивнул.

— А теперь представьте его причинное место.

Один из членов комиссии закашлялся. Второй отвернулся к окну. Павел Петрович закрыл глаза. Он уже понимал, что старика понесло в дебри дипломатической философии.

— Представили?

— С трудом, маленький очень объект...

— Так вот, внешняя политика ещё тоньше этого места.

По кабинету пробежала волна сдавленного смеха.

— Молодой человек, вас прекрасно научили отстаивать интересы государства. Более того, судя по некоторым событиям сегодняшнего утра, вы уже умеете уверенно теснить конкурентов на стратегически важных направлениях.

Несколько членов комиссии окончательно отвернулись,

не в силах сдержать свой смех. Родион почувствовал, как начинает краснеть.

— Но дипломатия отличается от парковки тем, что выиграть место мало. Нужно ещё суметь остаться в хороших отношениях с человеком, у которого вы это место отобрали.

После этого Иван Аркадьевич вернулся на своё кресло.

— Павел Петрович.

— Да?

— Вам не кажется, что у нас наблюдается определённый кадровый перекос?

Павел Петрович обречённо вздохнул.

— В некоторых местах есть немного.

— Все хотят в Европу.

— Есть такое.

— А кто будет поднимать Африку?

— Африку тоже не бросим, Иван Аркадьевич!

— Именно.

Председатель оживился.

— Тут недавно звонил посол из Задонии.

— Опять звонил? — переспросил кто-то из комиссии.

— Опять.

— И опять жаловался?

— Разумеется.

— Традиции надо уважать.

— Совершенно верно.

Иван Аркадьевич посмотрел в бумаги.

— Просит молодого, перспективного и инициативного сотрудника.

После чего перевёл взгляд на Родиона.

— Настолько инициативного, чтобы мог занять место раньше конкурентов.

Комиссия дружно заулыбалась.

— Поэтому предлагаю направить товарища Разумовского в Задонию. Тем более сам министр как-то сказал: «Задония — это наше всё!»

Павел Петрович предпринял последнюю попытку спасения.

— Но туда уже распределён Иннокентий Сомов.

— Я уверен, что Сомов внимательно отнесётся к нашим кадровым решениям.

— А что ему передать?

— Передайте ему, что он направляется в Швейцарию.

Председатель оглядел присутствующих.

— Возражения имеются?

Возражений не имелось. Причём настолько не имелось, что некоторые даже начали очень внимательно изучать собственные бумаги.

— Отлично.

Он поставил подпись.

— Атташе Разумовский направляется в Задонию.

Берн окончательно скрылся за горизонтом. Где-то далеко зазвучал траурный марш.

— Надеюсь, возражений нет?

Родион сделал вдох. Потом ещё один.

— Готов трудиться на любых направлениях, указанных руководством.

— Вот это правильный ответ.

Иван Аркадьевич улыбнулся.

— Вот сейчас он начинает походить на своего отца.

Родион развернулся и направился к выходу.

— Молодой человек!

Он остановился.

— Да?

— Чуть не забыл.

Председатель поправил очки.

— При случае я обязательно передам министру, что молодые дипломаты полностью поддерживают внешнеполитический курс государства и готовы ехать не только туда, где красиво, но и туда, где более всего нужно Родине.

По кабинету прокатился дружный смех. Только Родиону почему-то было не до веселья.

Сборы в командировку

— Послушай, я тебе уже в сотый раз говорю: всё это барахло можно спокойно купить даже в Задонии! — в очередной раз возмутился Родион, наблюдая, как мать пытается пристроить в чемодан очередной свёрток. — Не понимаю, зачем мне все эти тряпки, кастрюли, утюги и сковородки?

В этот момент квартира напоминала склад гуманитарной помощи. Повсюду стояли картонные коробки разной степени наполненности. Между ними громоздились стопки одежды, посуда, книги, пакеты и какие-то загадочные предметы, назначение которых Родион определить уже не мог.

Создавалось впечатление, что в Задонии отсутствует не только промышленность, но и сама цивилизация. Мать даже не подняла головы.

— Правоту своей матери ты поймёшь только после того, как окажешься один в чужой стране. Мы с твоим отцом проходили это много раз.

Она аккуратно уложила свёрток в коробку.

— Одеться нужно?

— Нужно.

— Обуться нужно?

— Нужно.

— Есть нужно?

— Нужно.

— Мыться нужно?

— Желательно.

— Вот видишь.

— Я дипломат европейского государства! — театрально возмутился Родион. — А лечу с картонными коробками, словно челнок из девяностых годов. Представляешь, как будут смеяться люди в аэропорту?

Мать наконец посмотрела на сына.

— Ты этих людей увидишь первый и последний раз в жизни.

— Зато они меня будут помнить долго.

— Зато потом ты будешь видеть свою зарплату каждый месяц.

После этих слов в коробку отправились сковорода, утюг и комплект постельного белья. Каждый предмет заботливо перекладывался полотенцами, пакетами и какими-то свёртками. Родион обречённо наблюдал за происходящим.

— Мам... А гречка зачем?

— Потому что это стратегический ресурс.

— Что?

— Вот приедешь в свою Задонию и узнаешь.

Она подняла пакет.

— Такую гречку ты там днём с огнём не найдёшь.

— Не верю.

— Все молодые дипломаты так говорят.

— И что потом?

— Потом родственники посылают им гречку с дипломатическими курьерами.

Родион рассмеялся.

— Неужели всё настолько плохо?

Мать тоже улыбнулась.

— Не плохо. Просто жизнь за границей совсем не такая, как её представляют.

Она задумалась.

— Большинство людей думают, что дипломат живёт где-то между приёмами, фуршетами и дворцами.

— А на самом деле?

— Иногда да.

— Вот!

— Только никто не показывает, как этот дипломат потом полдня ищет нормальную лампочку, ремонтирует текущий кран или везёт через полмира детскую коляску, потому что на месте она стоит как половина его зарплаты.

Родион уселся на коробку.

— Звучит не очень радужно.

— Зато очень жизненно.

Она на секунду остановилась и посмотрела куда-то поверх коробок.

— Помню, однажды в Африке твой отец полгода ремонтировал холодильник.

— Полгода?

— Да.

— Почему просто новый не купили?

— Потому что ближайший новый находился в соседней стране.

— Ты сейчас шутишь?

— Нет.

— А как же глобальные международные экономические связи?

— В то время они ещё не знали, что существуют.

Оба рассмеялись. Через секунду лицо Родиона снова по-мрачнело.

— Язык мой — враг мой...

— Это про стоянку?

— Именно.

— До сих пор переживаешь?

— Берн переживает гораздо сильнее меня.

Мать покачала головой.

— А знаешь, я даже рада, что всё так получилось.

— Конечно. Не тебя же в Задонию отправляют.

— Нет. Просто в наше время говорили: чем тяжелее условия в стране, тем лучше люди в посольстве.

— Хочешь сказать, что в Европе работают одни негодяи?

— Нет.

— А то я уже начал волноваться за Кешу.

— Просто в трудных странах люди чаще помогают друг другу. Там иначе нельзя.

Она немного помолчала.

— Когда вокруг всё привычно и комфортно, каждый живёт сам по себе.

— А когда вокруг задница?

— Тогда посольство становится одной большой семьёй.

Родион задумался.

— Звучит подозрительно.

— Почему?

— Потому что все самые тяжёлые истории обычно начинаются именно с этих слов.

Мать рассмеялась.

— Не переживай. Выживешь.

— Очень обнадёживает.

— Твой отец тоже когда-то ехал в первую командировку с таким лицом.

— И что говорил?

— Что весь мир лежит у его ног.

— Мудрый человек.

— Через полгода просил прислать ему гречку.

Родион поднял руки.

— Всё! Сдаюсь! Клади свою гречку.

— Вот это уже разговор дипломата.

— Хорошо хоть, что вместо меня Кешку удалось засунуть в Швейцарию. Для друга и Берна не жалко.

В этот момент неожиданно зазвонил телефон. Родион подскочил быстрее, чем реагировал на сигналы будильника.

— Алло! Юлька, ты?..

— Доброго дня, Родион, — раздался в трубке незнакомый мужской голос. — Это Чичигин. Папа Юли. Мы с вами пару раз встречались.

Родион мгновенно выпрямился.

— Александр Николаевич! Не узнал. Богатым будете.

— Да я и сейчас не жалуясь. На кусок хлеба хватает.

— Тогда желаю сохранить достигнутые показатели.

— Постараюсь.

В трубке послышался добродушный смешок.

— Родион, я хотел бы с вами поговорить.

— Слушаю вас внимательно.

— Вы не против встретиться лично?

— Время и место. Обещаю без опозданий.

— Я как раз проезжаю мимо вашего дома. Может быть, прямо сейчас прогуляемся по набережной?

— Пару минут — и я у вас.

Он положил трубку. Мать внимательно посмотрела на сына.

— Юля?

— Нет.

— Жаль.

— Почему?

— Потому что при слове «Юля» ты улыбаешься значительно шире.

— Мам...

— Иди уже.

— Иду.

— И галстук надень.

— Зачем?

— Потому что дипломат.

— А если это личная встреча?

— Тогда тем более дипломат.

Родион только вздохнул. Иногда спорить с опытными дипломатами было совершенно бесполезно.

Недипломатичная беседа

Родион вышел из дома, обогнул его и направился к набережной. Москва была удивительно тихой для середины дня. Солнце играло бликами на воде, прогулочные теплоходы лениво разрезали речную гладь, а лёгкий ветерок приятно освежал воздух.

Невдалеке стоял представительский автомобиль. Рядом застыл водитель. Дверь открылась. Из машины вышел Александр Николаевич.

Даже если бы Родион не знал, кто перед ним, всё равно догадался бы, что этот человек привык принимать решения стоимостью в миллионы рублей. В сущности, молодому дипломату было совершенно искренне наплевать, кем является отец его избранницы. Но волею судьбы Юлия оказалась единственной дочерью не совсем простого человека. А если выражаться конкретнее, то очень влиятельного и богатого. И, как большинство представителей этой категории, Чичигин обладал довольно крутым нравом и волевым характером, не терпящим возражений и демагогии по вопросам, которые казались ему совершенно очевидными.

Отвоевавший своё место под солнцем в девяностые Александр Николаевич был достаточно умным, чтобы правильно интегрироваться в принимающую цивилизованный вид экономическую структуру России в нулевые. На этом пути его

личные и деловые качества также не остались незамеченными, а деловая хватка позволила превратить некогда посаженный куст калины в крепкий, широко раскинувший свои ветки и корни дуб.

В зоне интересов Чичигина находился широкий спектр экономических направлений, где особенно выделялись энергетика, строительство и инфраструктурные проекты. Всё это делало отца Юли вхожим в самые высокие кабинеты политического Олимпа нашей необъятной Родины.

Несмотря на свои нескромные финансовые возможности, Чичигин был далёк от показной демонстрации богатства, а дочь воспитывал в строгости и не баловал дорогими подарками, полагая, что со временем она сама должна найти своё место в этом непростом мире.

Родион и Александр Николаевич пожали руки и медленно пошли вдоль набережной. Некоторое время оба молчали. Любовались рекой. Каждый собирался с мыслями. Первым заговорил отец Юли.

— Не люблю ходить вокруг да около и разговаривать намёками.

Он остановился.

— Поэтому начну с самого главного.

Небольшая пауза.

— Когда моя дочь выбрала вас, Родион, я не испытал восторга.

— Догадывался.

— Я надеялся, что это лёгкое увлечение.

— А оказалось?

— Оказалось, что вы оба люди упрямые.

Родион улыбнулся.

— Есть немного.

— Немного?

Впервые за встречу Александр Николаевич усмехнулся.

— Юля однажды неделю со мной не разговаривала из-за котёнка.

— И чем закончилось?

— Котёнок прожил с нами двенадцать лет.

— Тогда да. Есть немного.

Они снова пошли вперёд.

— Я люблю вашу дочь, — спокойно сказал Родион.

— Верю.

— И уверен, что она любит меня.

— Верю.

После этих слов Александр Николаевич неожиданно остановился.

— Не знаю, удивит ли вас это, но я её тоже люблю.

Родион промолчал.

— Именно поэтому мне небезразлично её будущее.

Он посмотрел на реку.

— Видите ли, Родион... когда рождается дочь, мужчина начинает бояться.

— Боюсь спросить, чего.

— Всего.

— Понимаю.

— Сначала боишься, что она упадёт с велосипеда. Потом, что попадёт в плохую компанию. Потом, что её кто-нибудь обидит.

Он посмотрел на Родиона.

— А потом появляется молодой дипломат.

— Это уже серьёзно.

— Именно.

Оба рассмеялись. Но улыбка быстро исчезла с лица Александра Николаевича.

— Поэтому я предлагаю вам деньги.

Родион остановился.

— Простите?

— Любую разумную сумму.

— За что?

— За расставание с моей дочерью.

Повисла тяжёлая пауза.

— Только хорошее воспитание и уважение к вам удерживают меня от грубых слов.

— Честный ответ.

— И единственный возможный.

— Тогда забыли.

Александр Николаевич даже не обиделся.

— Собственно, я и не рассчитывал.

— Тогда зачем предлагали?

— Для очистки совести.

— Помогло?

— Не очень.

Некоторое время они шли молча. Потом отец Юли снова заговорил.

— Тогда второе предложение.

— Слушаю.

— Уходите из МИДа.

— Нет.

— Вы даже не дослушали.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ответ при любых обстоятельствах будет прежним.

Александр Николаевич внимательно посмотрел на него.

— Любопытно.

— Вы хотите предложить мне карьеру, деньги и перспективы.

— Именно.

— А взамен я должен отказаться от своей мечты.

— От юношеской иллюзии.

— Для вас иллюзия. Для меня жизнь.

Александр Николаевич вздохнул.

— Упрямый.

— Мне говорили.

— Кто?

— Каждый первый.

Впервые за разговор отец Юли посмотрел на него почти с уважением.

— Хорошо.

Он остановился.

— Тогда третье предложение.

— Последнее?

— Последнее.

— Интересно.

— Я подключаю свои связи и возвращаю вас в Берн.

Родион замер.

— Что?

— Вы будете работать в Швейцарии.

— А Юля?

— Рядом с вами.

— А потом?

— Потом вы увидите настоящую жизнь.

Он усмехнулся.

— И поймёте, что дипломатия сильно отличается от того, чему учат в университете.

— А дальше?

— Дальше сами придёте ко мне.

Родион покачал головой.

— Не получится.

— Почему?

— Потому что слово уже дано.

— Кому?

— Людям.

— Каким людям?

— Тем, которые посвятили свою жизнь дипломатической службе и тем, которые ждут меня в Задонии.

— Смею предположить, что большинство из них вы даже не знаете.

— Именно поэтому нельзя подводить.

После этих слов Александр Николаевич долго смотрел на него. Очень долго. Будто пытался понять. Или вспомнить кого-то. Наконец он тихо произнёс:

— Знаете... вы сейчас очень напомнили мне одного человека.

— Кого?

— Меня самого. Лет тридцать назад.

Впервые за разговор в его голосе прозвучала грусть.

— И чем всё закончилось?

— Я поумнел.

— Или постарели?

— Хороший вопрос.

Он присел на парапет.

— С вами совершенно невозможно вести переговоры.

— Странно слышать это от бизнесмена.

— А мне странно слышать это от дипломата.

— Когда замолкает дипломатия, начинают говорить пушки.

— Именно.

— Значит, мои переговоры пока успешны.

— К сожалению, вы ошибаетесь.

В этот момент рядом появились двое крепких парней.

— Слышь, дядя, закурить не найдётся?

— Не курю.

— Пора бы научиться.

Удар в живот оказался неожиданным. Воздух мгновенно застрял в лёгких. Через секунду Родион уже висел вниз головой за парашютом над водой. Москва-река оказалась значительно ближе, чем обычно.

Александр Николаевич спокойно наблюдал за происходящим. Когда Родион перестал кашлять, он заговорил:

— Послушай меня внимательно, сынок.

Голос его стал совершенно другим. Без улыбок. Без шуток. Без добродушия.

— Редкий человек удостоивается той деликатности, которую я тебе сегодня оказал.

Родион молчал.

— Три раза подряд послать меня с вполне разумными предложениями...

Он покачал головой.

— Это талант.

Река плескалась буквально в нескольких десятках сантиметров от лица Родиона.

— Или в ваших академиях кроме лекций «Мистера Нет»

ничего не преподают?

Родион усмехнулся. Даже сейчас. Даже в таком положении.

— Преподают.

— Что именно?

— Не принимать невыгодные предложения.

На секунду Александр Николаевич прикрыл глаза и подумал: «Господи... она действительно нашла себе идеального кандидата».

Он поднялся.

— Моё слово такое. Увижу вас рядом — очень пожалеешь.

Родион поднял голову насколько смог.

— Тогда можете сразу бросать.

— Что?

— Девяностые закончились.

Он поморщился от боли.

— Но гибкости у вас с тех пор больше не стало.

Повисла тишина. Даже мордовороты переглянулись. Александр Николаевич неожиданно рассмеялся. Не зло. Устало. С какой-то обречённостью.

— Вот ведь идиот...

Он посмотрел на реку. Потом на Родиона. После чего махнул рукой.

— Поднимайте.

Через несколько секунд Родион снова стоял на ногах.

Один из здоровяков заботливо поправил ему галстук. Другой стряхнул пыль с пиджака.

— Извините, служба.

— Понимаю.

— Не кашляй.

— И вам не простудиться.

Александр Николаевич уже садился в машину. Перед тем как закрыть дверь, он посмотрел на Родиона и поймал себя на мысли, что если бы у него был сын, то он хотел бы, чтобы тот был похож на этого юного бесстрашного представителя совсем не боевой, на первый взгляд, профессии.

Но вслух он произнёс:

— Успехов в Африке и плодотворных переговоров с вождями племени Мумбы-Юмбы, — пошутил напоследок Чичигин.

Спустя время он вспомнит эти слова и будет искренне смеяться над своей язвительной дальнороркостью и способностью предсказывать события. А может, уже тогда он чувствовал, что этот молодой нигилист добьётся успеха там, где его не могло быть и вовсе.

Автомобиль плавно тронулся с места. А Родион ещё долго стоял на набережной и смотрел ему вслед. Потому что впервые в жизни встретил человека, которого одновременно хотелось уважать и ненавидеть. И, который, так напоминал ему отца.

Аэропорт

Международный аэропорт жил своей привычной жизнью. Кто-то улетал отдыхать, кто-то возвращался домой, кто-то прощался навсегда, а кто-то искренне надеялся, что навсегда — это всё-таки временно.

Родион стоял возле стойки регистрации рейса Москва — Мабуда и с тоской смотрел на свои коробки.

Коробок было много. Настолько много, что со стороны создавалось впечатление, будто молодой дипломат не отправляется в служебную командировку, а собирается открыть в Задонии филиал хозяйственного магазина.

Впереди него в очереди находилась компания крепких загорелых мужчин. Судя по внешнему виду, эти люди могли голыми руками вытащить из моря небольшого кита, если тот вдруг запутается в рыболовных снастях.

Мужчины были одеты просто, разговаривали громко и уже успели достичь той стадии хорошего настроения, когда окружающий мир кажется значительно лучше, чем есть на самом деле.

— А я ему говорю: если креветка такого размера, то это уже не креветка, а лангустин! — громогласно сообщил один из них.

Компания дружно заржала.

— Как всегда привираешь!

— Чтоб мне всю вахту трезвым быть!

— Не богохульствуй!

Снова раздался взрыв смеха. Родион невольно улыбнулся.

— Простите, — обратился он к одному из них. — Вы тоже в Мабуду?

— А куда ж ещё? — удивился тот. — На креветку.

— Надолго?

— Полгода.

— Немало!

— Братан, — философски заметил рыбак, — когда дома ипотека, жена и трое детей, полгода пролетают быстрее отпуска.

— Убедительный аргумент.

— А ты кто будешь?

— Дипломат.

Рыбак внимательно осмотрел его костюм.

— Настоящий?

— Пока ещё не знаю.

— Тогда держись, дипломат.

— Всё настолько плохо?

— Не знаю. Я в Задонии только пью и работаю.

— А в свободное время?

— В свободное от работы время выпиваю, а от отдыха работаю.

— Не поспоришь.

Подошла очередь Родиона. Он начал выкладывать на лен-

ту свои коробки. Сотрудница аэропорта смотрела на процесс с возрастающим интересом.

— Всё ваше?

— Да.

— Что там?

— Мама.

— Простите?

— Ну, в общем у меня редкая болезнь перфекционизма. Всё своё вожу с собой.

— Понятно, что же делать, надеюсь болезнь излечима!

Последняя коробка скрылась за резиновыми шторками транспортёра. Родион проводил её взглядом. Коробка бодро скатилась вниз. Ударилась углом. Помялась. Потом на неё сверху рухнул чей-то чемодан.

— Мамина гречка... — трагическим голосом прошептал он.

— Не переживайте, — успокоила сотрудница.

В этот момент сверху упала ещё одна сумка.

— Спасибо. Теперь уже действительно переживать не стоит.

Мимолётное видение

В кабинке паспортного контроля сидел молодой пограничник. Он внимательно изучил документы.

— Цель посещения Задонии?

— Служебная командировка.

Пограничник посмотрел на дипломатический паспорт. Поднял взгляд.

— Ни пуха, ни пера.

— К чёрту.

— Возвращайтесь.

— Постараюсь.

— Главное — живым.

До начала посадки оставалось больше часа. Родион сидел в кресле возле огромного панорамного окна. За стеклом лениво двигались самолёты.

Напротив, в кафе продолжали праздновать начало своей вахты знакомые рыбаки. На столах уже появились пакеты из Duty Free. Судя по количеству пакетов, мужчины собирались установить с Задонией особенно тёплые международные отношения.

Родион достал телефон. «Юля». Вызов. Гудки. Никто не ответил. Он попробовал снова. И снова. Безрезультатно. Где-то внутри неприятно шевельнулось чувство тревоги.

В этот момент над залом раздался голос диспетчера:

— Продолжается посадка на рейс Москва — Цюрих. Просим пассажиров проследовать к выходу номер...

Родион машинально поднял голову. И замер. За стеклянной перегородкой двигался поток пассажиров. Среди них шла Юля. Он даже сначала не поверил. Сердце на мгновение остановилось. Потом ударило так сильно, что стало трудно дышать.

— Юля...

Он вскочил и бросился к стеклу. Она тоже заметила его. Остановилась. И сразу улыбнулась. Той самой улыбкой, которую он мог узнать среди тысяч других. Мир вокруг словно исчез. Не стало ни аэропорта. Ни пассажиров. Ни голосов. Ни самолётов. Только она и он. По разные стороны прозрачной стены.

Родион приложил ладонь к стеклу. Юля сделала то же самое. Их пальцы совпали. Хотя между ними оставались несколько сантиметров холодного стекла. Они смотрели друг другу в глаза. Хотелось сказать так много. Спросить. Объяснить. Пообещать. Но слова были бессильны. Они просто стояли и смотрели друг на друга. Будто старались запомнить каждую секунду. Каждую черту лица. Каждую улыбку. Каждый взгляд.

Тогда Родион заметил рядом знакомую фигуру. Мордоворот. Тот самый. Из окружения Александра Николаевича. Здоровяк подошёл к Юле и что-то негромко сказал.

Улыбка медленно исчезла с её лица. Она опустила глаза.

Потом снова посмотрела на Родиона. И он увидел, как они наполняются слезами. Юля осторожно подула на стекло. На мгновение оно запотело. После чего кончиком пальца нарисовала маленькое сердечко. И приложила к нему ладонь.

Поток пассажиров снова двинулся вперёд. Юля сделала шаг. Потом ещё один. Оглянулась. Помахала рукой. И ушла на посадку.

Родион ещё долго стоял возле стекла. Не замечая ничего вокруг. Пока где-то за спиной один из рыбаков неожиданно не произнёс:

— Эх, брат...

Родион обернулся. Рыбак понимающе кивнул.

— Ничего. Если настоящая — дождётся.

Родион посмотрел на уходящий к самолёту поток людей.

— Я тоже на это надеюсь.

Через минуту диспетчер объявил посадку на рейс Москва — Мабуда. Начиналась дорога в Задонию.

Хулиганы на борту

Посадка на рейс Москва — Мабуда проходила спокойно. Настолько спокойно, насколько вообще может проходить посадка на рейс, часть пассажиров которого составляли российские рыбаки, летящие на промысел креветки.

Родион занял своё место возле иллюминатора. Настроение оставалось паршивым. Самолёт. Задония. Расставание с Юлей. Всё это навалилось одновременно.

Он посмотрел в окно. Где-то далеко за терминалом стоял самолёт, который через несколько минут должен был увезти его любимую в Швейцарию. Мысль была неприятная. Поэтому Родион решил думать о чём-то другом.

В этот момент рядом возник крепкий молодой парень в форме цвета хаки. Он ловко закинул на полку огромную полевую сумку. Сумка выглядела так, будто внутри находился либо годовой запас тушёнки, либо небольшая артиллерийская батарея.

Парень плюхнулся в кресло.

— Здорово, брателла!

— Добрый день.

— Какими судьбами в Задонию?

Он внимательно посмотрел на Родиона.

— Хотя нет. Дай угадаю.

— Попробуй.

— Дипломат.

Родион удивлённо посмотрел на него.

— Как догадался?

— Работа такая.

— Какая именно?

— Обо всех всё знать.

Родион продолжал с интересом смотреть на своего попутчика.

— Да ладно, расслабься. Я на посадке увидел, как ты свою зеленокожую книжицу гордо показывал стюардессе. Поэтому и знаю, что дипломат.

Теперь Родион и сам понял природу осведомлённости его соседа.

— А всё-таки ты в Задонии чем занимаешься? Хотелось бы конкретики, вдруг пригодимся друг другу. При выполнении служебных обязанностей.

— Тебе соврать? Или промолчать?

— Ну, хотя бы соври.

— Исполнительный директор корпорации «Зубы и хвосты». Но в справочниках нас не ищи, мы не публичная организация. А то, что мы друг другу пригодимся, так это сто процентов.

Парень протянул руку.

— Алексей Богатырёв.

— Родион Разумовский.

Они пожали руки. Рука у Алексея оказалась такой креп-

кой, будто её собирали из деталей бронетранспортёра.

В этот момент по проходу начал протискиваться один из знакомых рыбаков.

— Дорогу капитану дальнего плавания!

Он зацепил локтем сразу троих пассажиров.

— Вова! Ты где, карасина борзая?!

На весь салон раздался ответ:

— Здесь я!

— Тогда почему я тебя не вижу?!

— Потому что глаза твои промыть живительной влагой нужно!

— Справедливо!

Алексей проводил моряков взглядом.

— О-о-о...

— Что?

— Кажется, рейс будет весёлый.

— Ты их знаешь?

— Нет.

— Тогда откуда выводы?

— У человека пакет из Duty Free должен иметь ручки.

— И что?

— А этот держит его как любимого ребёнка.

По лицу Родиона пробежала лёгкая улыбка. Алексей немедленно это заметил.

— Ага!

— Что?

— Всё-таки несчастная любовь.

— С чего ты взял?

— Я людей хорошо читаю.

— И что прочитал?

— Девушка.

— Так.

— Недавнее расставание.

— Так.

— Очень красивая.

— Так.

— Отец или мать девушки тебя недолюбливает.

Родион даже повернулся к нему.

— Ты кто вообще?

— Практикующий экстрасенс.

— Сомневаюсь.

— Ладно. Последнее просто угадал.

Он достал из пакета бутылку виски.

— Предлагаю поправить твоё душевное здоровье.

— Думаешь поможет?

— Конечно, это лекарство.

— Сертифицированное?

— Многократно проверенное на личном опыте.

— И помогает?

— Рана не затягивается...

Он открутил крышку.

— Но болевой шок снимает отлично.

— Аргумент серьёзный.

— Я вообще серьёзный человек.

Где-то сзади раздался крик:

— **ВОВУ ЗАБЫЛИ!!!**

Половина салона вздрогнула.

— Командир! Разворачивай самолёт!

— Почему?

— Паспорт Вовки у меня!

Небольшая пауза.

— Без Вовы судно в море не выйдет!

— А где Вова?

— Не знаю!

Алексей задумчиво посмотрел назад.

— Вот теперь мне действительно интересно, долетит ли

Вова до Африки.

Самолёт уверенно набирал высоту. За иллюминатором исчезала Москва. В салоне постепенно наступало то особое состояние дальнего рейса, когда часть пассажиров уже спит, часть смотрит фильмы, а остальные ещё не определились, чем будут страдать ближайшие несколько часов.

Родион и Алексей продолжали неспешно беседовать. Оказалось, что новый знакомый обладает редким талантом одновременно рассказывать много и не говорить почти ничего.

— А чем конкретно занимаешься?

— Родину люблю.

— Это профессия?

— У нас да.

— И часто приходится её любить за границей?

— Там особенно.

— Понятнее не стало.

— Значит, всё нормально.

В этот момент с задних рядов донеслось дружное пение. Сначала тихое. Потом громче. Потом ещё громче. Наконец весь самолёт услышал:

— Раскинулось море широко-о-о...

— Началось, — обречённо вздохнул Алексей.

— Может, просто поют?

— Если бы.

Следом раздался другой голос:

— Кто фальшивит?!

— Ты!

— Не может быть!

— Может!

— Тогда продолжаем!

Песня возобновилась с удвоенной силой. Через несколько минут появилась первая стюардесса. Молодая, красивая и ещё сохраняющая веру в безопасность воздушного транспорта.

— Господа, прошу соблюдать тишину.

— Конечно, красавица!

— Мы культурные люди!

— Мы же не в портовом борделе!

— Да!

Небольшая пауза.

— Там было бы громче!

Компания взорвалась смехом. Стюардесса ушла. Через десять минут она вернулась. Теперь уже не одна. Вместе с коллегой.

— Господа, курение на борту запрещено.

— А кто курит?

— В туалете обнаружены следы сигаретного дыма.

Рыбаки переглянулись.

— Это не мы.

— Конечно, не мы.

— Мы даже не вставали.

Из туалета в этот момент появился густой клуб дыма.

— Предатель, — печально произнёс один из рыбаков.

Через полчаса ситуация окончательно вышла из-под контроля. Кто-то снова запел. Кто-то начал спорить о преимуществах мурманской креветки над аргентинской. Кто-то пытался объяснить соседям устройство рыболовного трала.

Один особенно вдохновлённый моряк решил провести среди пассажиров викторину.

— Вопрос на засыпку!

Салон обречённо замер.

— Сколько ног у креветки?

Никто не ответил.

— Вот!

Рыбак победоносно поднял палец.

— Никто не знает!

— Потому что всем всё равно! — крикнул кто-то с другого конца самолёта.

— Неправильный ответ!

В этот момент возле кресел Родиона появилась стюардесса. Та самая. Красивая. Уставшая. И уже заметно потерявшая веру в человечество.

— Молодой человек...

Она смотрела на Богатырёва.

— Да?

— Простите за беспокойство.

— Уже простил.

— Не могли бы вы помочь нам с одной небольшой проблемой?

— Рыбаки?

— Рыбаки.

— Все?

— Все.

Алексей задумался.

— При одном условии.

— Каком?

— После победы над противником мне полагается горячий поцелуй спасённой красавицы.

Стюардесса покраснела.

— Молодой человек!

— Согласен даже на благодарственную грамоту.

Родион поднялся.

— Позволь сначала мне попробовать.

Богатырёв удивился.

— Серьёзно?

— Я дипломат.

— Ну, давай проверим.

Он кивнул в сторону рыбаков.

— Докажи мне, что я всю жизнь не тому ремеслу учился.

Небольшая группа направилась в хвост самолёта. Там уже вовсю кипела морская жизнь. Один рыбак объяснял пустому креслу устройство дизельного двигателя. Второй спорил с отражением в иллюминаторе. Третий требовал найти Вову.

— Уважаемые господа корсары...

Рыбаки замолчали. Родион торжественно выпрямился.

— Нижайше прошу прощения за этот превентивный дискурс, но ваша инвектива вперемешку с девиантным поведением ввергла в состояние фрустрации не только пассажиров нашего воздушного судна, но и его экипаж.

Повисла тишина. Даже Алексей заслушался.

— Поэтому я и мой друг просим вас прекратить происходящий пердимонокль.

Один из рыбаков долго смотрел на него. Потом повернулся к товарищам.

— Мужики...

— Чего?

— Это белочка пришла.

— Почему?

— Потому что всё становится не понятным.

Другой рыбак нахмурился.

— Какой ещё монокль?

— Пердимонокль.

— Здесь ни монокля нет, ни бинокля, ни перископа!

— Не брали на борт.

— Это точно!

Он поднялся.

— А ну дуй отсюда.

И неожиданно схватил Родиона за рубашку. Богатырёв тяжело вздохнул.

— Вот поэтому я и не люблю переговоры.

Через секунду началась драка. Сначала участвовали четверо. Потом шестеро. Потом неизвестно сколько. Потому что какой-то пассажир решил помочь Родиону. Другой решил помочь рыбаку. Третий вообще не понял, кому помогает, но уже участвовал. Салон превратился в поле боя.

Стюардессы прятались за креслами. Пассажиры кричали. Где-то летел ботинок. Кто-то требовал международного расследования.

А командир воздушного судна уже связывался с ближайшим аэропортом и запрашивал экстренную посадку.

Потому что молодой российский дипломат даже не добравшись до Африки, уже потерпел своё первое маленькое

фиаско...

Часть II. Молодой дипломат

Посол России в Задонии

Резиденция российского посла располагалась в одном из лучших районов Мабуды.

Высокий забор скрывал от посторонних глаз роскошную виллу, окружённую ухоженным садом. Под палящим африканским солнцем лениво переливалась вода в бассейне. В тени пальм дремал садовник. Где-то за оградой шумел неугомонный африканский город.

А внутри резиденции царил привычный дипломатический уют.

В просторной столовой за обеденным столом сидел Чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Республике Задония Фома Спиридонович Скрыбин. С виду он совершенно не походил на человека, способного представлять интересы великой державы. Невысокий. Полноватый. Лысоватый. С добродушным лицом университетского преподавателя.

В молодости он мечтал стать историком. Но по ошибке подал документы не в тот институт и случайно стал дипломатом. После чего настолько случайно дослужился до посла, что очень сильно подозревал о наличии кадровой ошибки в

документах.

Однако сотрудники посольства прекрасно знали: за мягкостью Фомы Спиридоновича скрывался очень опытный профессионал. Он одинаково успешно мог договариваться с министрами, генералами, оппозиционерами, племенными вождями и сотрудниками собственного министерства.

Причём высшая форма дипломатического искусства проявлялась именно в умении предотвращать вооружённые конфликты в пределах вверенного ему кусочка российской земли на чужбине.

Рядом сидела его супруга — Элла Германовна. Женщина настолько эффектная, что большинство новых гостей поначалу принимали её за дочь посла. Что, по её мнению, было не вполне справедливо. Так как разница в возрасте между ею и супругом составляла какие-то жалкие четверть века.

Фома Спиридонович утверждал, что женился по любви. Сотрудники посольства придерживались более сложных внутривполитических оценок.

Элла Германовна обладала яркой внешностью, сильным характером и удивительной способностью участвовать в решении любых вопросов. Особенно тех, которые её совершенно не касались.

За последние годы она успела дать рекомендации по международной политике, вопросам безопасности, разведке, экономике, ремонту служебных помещений и особенностям выращивания ананасов. Некоторые советы, к счастью, не на-

несли серьёзного ущерба своими последствиями.

Возле стола хозяйничала Анна Семёновна. Повариха. Легенда отечественной дипломатии. За тридцать лет службы она пережила семь послов, три революции, один государственный переворот и бесчисленное количество проверок из Москвы. В отличие от большинства дипломатов, Анна Семёновна никогда не подбирала слова. Она пользовалась исключительно домашними заготовками. Причём самыми непопулярными среди утончённой публики.

— Представляешь, дорогая, — вздохнул Фома Спиридонович, разделявая омара, — самолёт из Москвы пропал с радаров.

— Как это пропал?

— Вот так.

— Совсем?

— Совсем.

Посол развёл руками.

— Ни связи. Ни информации. Ни объяснений.

— Может, радиостанция сломалась?

— Очень на это надеюсь.

Он сделал глоток вина.

— А ведь на этом самолёте к нам летел новый атташе.

— Тот самый?

— Да, Сын Разумовского.

Фома Спиридонович грустно вздохнул.

— Сергей Разумовский в молодости хорошо мне нервиш-

ки потрепал. Но именно благодаря ему я по-другому взглянул на нашу работу.

— Нервы тебе трепал, потому что меня рядом тогда не было.

— Конечно.

— Я бы быстро поставила его на место.

— Не сомневаюсь.

Элла Германовна повернулась к поварихе.

— Анна Семёновна, вам не кажется, что фейхоа сегодня какие-то вялые?

Повариха даже не обернулась.

— Какие на рынке были фейхоа, такие и купила.

— Но они не очень свежие.

— Сейчас не сезон для фейхуов.

— Как-то вы некультурно выражаетесь, дорогуша.

— Из этих рук не один десяток министров кушивал. Да и президентам тоже счёту не счесть! Ещё никто не жаловался.

Анна Семёновна посмотрела на посла.

— Может, это вообще последние свежие фейхоа в вашей жизни.

Фома Спиридонович поперхнулся вином. Элла Германовна возмущённо всплеснула руками.

— Апельсинчик!

Так она называла мужа исключительно в присутствии посторонних.

— Сколько ты ещё будешь терпеть эту женщину?

— Какую именно?

— Вот эту!

— Анну Семёновну?

— Да!

— Всю жизнь.

— Почему?

— Потому что остальные повара постоянно пытаются меня убить.

— Что за глупости?

— После их стряпни у меня начинается метеоризм международного значения.

— Преувеличиваешь.

— Ни на йоту.

Посол серьёзно посмотрел на супругу.

— Некоторые кризисы в мировой политике развиваются значительно мягче.

Анна Семёновна одобрительно кивнула.

— Правильно говорите, Фома Спиридонович.

Потом повернулась к Элле Германовне.

— Между прочим, меня пять послов переманить пытались. Один представитель. И генеральных консулов без счёта. Очередь стояла.

— И что?

— А то.

Она поставила на стол блюдо с фруктами.

— Если бы знала, что вы вместе с Фомой Спиридонови-

чем сюда приедете, ещё подумала бы.

— Вот видишь! Она опять хамит!

— Нет.

Фома Спиридонович спокойно отрезал кусочек запечённого осьминога.

— Это у неё форма проявления привязанности.

Потом он снова вспомнил про самолёт. И настроение сразу испортилось.

— А ведь, чего доброго, действительно разбился...

— Не говори ерунды.

— И пацана молодого жалко! Хотел над его воспитанием поработать.

— Зачем?

— Чтобы дипломата настоящего вырастить.

— В Африке?

— Здесь только и можно это сделать.

Он задумчиво покрутил бокал.

— Да и рук нам не хватает. Информации всё больше. Контактов всё больше. Делегации всё чаще. Говорят, сам министр может к нам заглянуть в следующем году.

— Проездом.

— Всё равно, событие то какое!

— Нашёл дурака сюда ехать.

Элла Германовна ласково потрепала мужа за щёку.

— Это только я могла согласиться на такую авантюру. Исключительно из любви к тебе, мой Апельсинчик.

В этот момент в столовую заглянула Анна Семёновна.

— Фома Спиридонович.

— Что случилось?

— Водитель Голяков приехать изволили.

— И?

— Спрашивает, нужно ли встречать атташе, который пропал.

Посол тяжело вздохнул.

— Вот и я хотел бы знать ответ на этот вопрос.

За окном шумели пальмы. А где-то далеко взлетал самолёт, чтобы всё-таки доставить в Задонию пассажиров, которым поневоле пришлось на время приземлиться в другой стране.

Прибытие в Задонию

Самолёт коснулся взлётно-посадочной полосы аэропорта Мабуды поздно ночью.

После всех приключений последних суток Родион испытал к пилотам чувство, близкое к любви. Где-то далеко остались драка на борту, вынужденная посадка, полиция, объяснения, ожидание нового рейса и бесконечные пересадки.

Хотелось только одного — добраться до посольства и уснуть. Надолго. Желательно до следующего отпуска.

Над зданием аэропорта красовалась яркая надпись: «Хорошего отдыха в Задонии». Ниже красовались каракули, приписанные краской: «Его здесь нет».

Родион решил считать это элементом местного юмора.

На паспортном контроле его встретил молодой задонский пограничник. Он внимательно изучил дипломатический паспорт. Потом посмотрел на фотографию. Потом на Родиона. Затем снова на фотографию. Видимо, сравнение давалось ему непросто. Фотография демонстрировала молодого, уверенного и вполне здорового человека. Оригинал выглядел так, словно он последние двое суток участвовал в чемпионате мира по выживанию.

— Цель прибытия в Задонию? — спросил пограничник на португальском.

— Продвижение двусторонних дипломатических отноше-

ний на более качественный уровень.

Пограничник некоторое время думал.

— Это официальная формулировка?

— Конечно.

— А неофициальная?

— В Посольстве России служить буду.

— Так понятнее.

Он поставил печать. Поднял голову. И неожиданно произнёс по-русски:

— Ни пуха, ни пера.

Родион удивлённо моргнул.

— К чёрту.

— Правильный ответ.

— Откуда русский знаете?

— У нас половина чиновников ваши институты окончила.

Пограничник вернул документы.

— Удачи.

— Спасибо.

— Она вам здесь понадобится.

После чего, высоко дипломированный сотрудник позвал следующего пассажира.

На транспортной ленте уже кружился багаж. Чемоданы выглядели вполне прилично. Коробки Родиона — значительно хуже. Они напоминали ветеранов продолжительной военной кампании. Одна была смята. Вторая порвана. Третья держалась исключительно благодаря скотчу и вере в

светлое будущее. Из четвёртой тонкой струйкой высыпалась гречка.

Родион тяжело вздохнул. А где-то далеко его мать радовалась, что её сынок прибыл на чужбину с небольшим стратегическим запасом еды и вещей, которые помогут ему успешно решать важнейшие государственные задачи.

С первых же шагов по благословенной Задонской земле Родион начал погружаться в её колоритную культуры и самобытные обычаи.

Таможенник долго смотрел на его коробки. Потом открыл первую. Затем вторую. После чего его глаза начали светиться профессиональным интересом.

Первым из коробки появился батон сырокопчёной колбасы.

— Провоз продуктов животного происхождения запрещён.

— В соответствии с законодательством Республики Задония сертифицированная продукция в заводской упаковке разрешена к ввозу для личного пользования.

Таможенник грустно положил колбасу обратно. Следующей появилась банка шпрот.

— Консервы запрещены.

— Разрешены.

— Почему?

— Потому что я хорошо изучил ваш таможенный кодекс. Таможенник посмотрел на него с плохо скрываемым раз-

дражением. Было видно, что подобных посетителей он не любит.

Следующей жертвой досмотра стала пачка гречки. Таможенник внимательно прочитал надпись. Повертел упаковку. Понюхал.

— Провоз семян запрещён.

— Это не семена.

— А что?

— Гречка.

— Разница?

— Огромная.

— Какая?

— Если её сварить, станет понятно.

Таможенник задумался. Потом решил зайти, с другой стороны.

— Для ввоза зерновых культур требуется специальное разрешение.

Родион уже начал получать удовольствие от процесса.

— В соответствии с законодательством Республики Задония предметы, используемые в религиозных и конфессиональных обрядах, разрешены к ввозу.

— И?

— Данная гречка используется мной для ежедневных ритуалов.

Таможенник посмотрел на него. Потом на гречку. Потом снова на него.

— Вы шутите?

— Я дипломат.

— Это не даёт вам права нарушать законодательство суверенной страны.

— А вам это не даёт права задерживать меня без веских оснований и подозрений в совершении тяжкого преступления.

Таможенник тяжело вздохнул. Где-то в глубине души он уже начал ненавидеть правила, которые вторгаются в его служебное пространство.

Из коробки появилась сковородка. Потом утюг. Потом несколько пачек макарон. Потом ещё одна пачка гречки. Потом две краюхи чёрного хлеба. Таможенник посмотрел на содержимое коробки так, словно обнаружил подпольный склад стратегических запасов.

— Вы собираетесь открывать магазин?

— Нет.

— Тогда зачем столько?

— Везу гуманитарную помощь сотрудникам посольства.

Таможенник понимающе кивнул. Видимо, это объясняло всё. После непродолжительного молчания он осторожно кашлянул.

— Господин дипломат...

— Да?

— Молодая задонская демократия переживает сложный период становления.

— Понимаю.

— Государственные институты и их сотрудники нуждаются в благотворительной поддержке.

— Согласен, не простые времена.

— Некоторые сотрудники таможенной службы получают крайне скромное жалование.

— Трагедия.

Таможенник посмотрел на него с надеждой. Родион посмотрел на него с пониманием. Они оба прекрасно понимали друг друга. Но игра требовала соблюдения формальностей.

— Господин офицер, — вежливо произнёс Родион. — Я вас настоятельно прошу лично проверить качество — вот этих продуктов.

Родион наскоро собрал пакет с едой и поставил его рядом с таможенником. Улыбка счастья у грозы контрабандистов растянулась до самых ушей.

— И ещё я могу доложить вашему министру о высоком уровне подготовки сотрудников местной таможни. В частности, упомянуть ваше имя.

— Добро пожаловать в Задонию, господин?.. — радостно воскликнул таможенник.

— Родион Разумовский.

— Благодарю вас, господин Родион.

— Забирайте своё имущество. И знайте, что в аэропорту вам всегда поможет ваш лучший друг — Педро Педросо, — сказал счастливый таможенник и услужливо принялся помо-

гать Родиону упаковывать вещи.

— Спасибо.

— Для вас, господин Родион, моё имя Педритто. Так я разрешаю себя называть только моей любимой маме и жене.

— Какое красивое имя! Надеюсь мы когда-нибудь сможем все вместе встретится где-нибудь за чашечкой кофе.

Таможенник неожиданно рассмеялся.

— Вы быстро начали осваиваться в нашей стране.

— Я начал осваиваться в вашей стране на лекциях по Задонии в моём университете.

— Тогда вам здесь понравится.

— Надеюсь не настолько, чтобы я хотел здесь проработать всю жизнь!

Здравствуй второй дом

Когда такси наконец остановилось возле ворот российского посольства, Родион испытал облегчение человека, который после долгого плавания увидел берег.

Берег выглядел внушительно. Высокие глухие ворота. Герб Российской Федерации. Надпись: «Посольство Российской Федерации в Республике Задония». За воротами виднелся государственный флаг. Рядом стояла будка охраны, внутри которой дремал местный полицейский.

После двух суток приключений всё это выглядело удивительно родным.

Сам Родион выглядел значительно хуже. Костюм был измят. Под глазом красовался внушительный синяк. Волосы растрепались. Щетина уверенно сигнализировала о затяжном дипломатическом кризисе.

Таксист помог выгрузить багаж. Точнее то, что от него осталось. Из одной коробки торчала сковородка. Из другой выглядывала упаковка туалетной бумаги. Третья держалась исключительно на честном слове и тоненькой верёвочке, связанной в нескольких местах.

Такси уехало. Родион остался один на один с новым домом. Он нажал кнопку переговорного устройства. Из динамика донёсся сонный голос:

— Слушаю вас.

— Откройте, пожалуйста.

— А вы кто?

— Я здесь работаю.

После короткой паузы голос спросил:

— Кем именно?

— Атташе Посольства России в Задонии.

Несколько секунд стояла тишина. Где-то внутри здания комендант изучал изображение с камеры наблюдения. Сначала лицо Родиона. Потом синяк. Потом кучу беспорядочного барахла рядом с ним. Потом снова лицо.

Наконец динамик ожил:

— Слышь, бомжара. Вали отсюда, пока я полицию не позвал.

Родион закрыл глаза. Очень медленно вдохнул. Очень медленно выдохнул. Потом предпринял ещё одну попытку сохранить достоинство российского дипломата.

— Уважаемый коллега...

— Я по мусаркам не шастаю.

— Я дипломат.

— Здесь таких «дипломатов» половина страны.

— Я прибыл к месту службы.

— Помойка за углом.

— Мне необходимо попасть на территорию посольства.

— А мне необходимо Родину охранять от таких как ты!

Повисла пауза. Где-то в глубине души Иван Аркадьевич, Павел Петрович и вся отечественная дипломатическая шко-

ла начали стремительно терять своё влияние на сознание молодого атташе. Остатки дипломатии окончательно покинули организм Родиона.

— Слышь, отец.

— Чего?

— Я двое суток между небом и землёй болтаюсь.

— Сожалею.

— Чуть в авиакатастрофу не попал.

— Бывает.

— Чуть в тюрьму не попал.

— Повезло.

— Таможню задонскую победил.

— Вот и попался! Это невозможно!

— У меня в коробках стратегический запас гречки.

— Врёшь!

Родион наклонился к ящику, достал оттуда пакет и ткнул его в камеру.

— Богатого бомжа первый раз встречаю!

— Если ты сейчас не откроешь ворота, я эту гречку через забор перебрасывать начну.

— И что?

— А потом сам перелезу.

— Напугал зайца морковкой!

— А потом найду посла и расскажу ему, как доблестная охрана российского посольства героически отбивалась от собственного атташе.

В переговорном устройстве неожиданно наступила тишина. Потом голос изменился.

— Погодите... Вы Разумовский?

— Надеюсь, у остальных сотрудников посольства с интеллектом и памятью дела обстоят несколько лучше! — с облегчением выдохнул Родион.

— Извините. Сразу не признал.

Наконец загудел электрический мотор и ворота начали медленно открываться...

Посольство

Небольшое, но довольно вместительное посольство России уютно расположилось в одном из самых престижных районов Мабуды. Со стороны оно выглядело скромно и даже немного незаметно, однако за высокими стенами скрывался целый маленький мир, живущий по своим правилам и законам.

К счастью, ещё на закате советской эпохи один из руководителей дипломатической миссии сумел почувствовать, в какую сторону подул ветер грядущих перемен. Не полагаясь на вечную дружбу народов, братские объятия и прочие красивые лозунги, он добился того, чтобы вся территория посольского комплекса была оформлена в собственность Российской Федерации со строгим соблюдением всех юридических формальностей.

Сколько критических взглядов пришлось ему тогда выдержать от руководителей задонской коммунистической партии. Сколько громких речей было произнесено о нерушимом союзе советского и задонского народов. Почти все в один голос утверждали, что подобная перестраховка выглядит смешно и совершенно бессмысленно. Никто и представить не мог, что когда-нибудь кто-то осмелится покуситься на священный оплот Советского Союза на территории Задонии.

Однако история, как известно, любит преподносить сюрпризы.

Прошло всего несколько лет после исчезновения советской империи, как в двери посольства, теперь уже российского, вежливо постучали несколько интеллигентных господ. Они были безупречно одеты, приветливо улыбались и производили впечатление образцовых представителей делового мира. Правда, их улыбки чем-то неуловимо напоминали улыбки акул, почуявших запах крови.

Гости представили документы и сообщили, что вилла, на которой располагалось посольство, когда-то принадлежала весьма известному человеку, пожелавшему вернуть своё имущество обратно. Более того, адвокаты владельца великодушно согласились не взыскивать арендную плату за весь период пользования территорией и даже предоставили дипломатам целых семь дней для поиска нового места размещения.

После этого начались судебные заседания, бесконечные консультации юристов, подготовка документов и весьма чувствительные расходы на судебные издержки. Но в итоге Россия сумела отстоять своё право на владение этим участком земли.

Именно тогда многие сотрудники посольства вспомнили добрым словом дальновидного руководителя, который сумел просчитать возможные проблемы за много лет до того, как они появились.

К сожалению, его коллега из соседней Габдоны подобным даром предвидения не обладал. А может быть, в тот момент, ему просто было не до таких мелочей. Как бы там ни было, после распада Советского Союза российские дипломаты в этой стране потеряли не только посольство, но и значительную часть другой недвижимости: служебные квартиры, резиденцию посла и посольскую дачу.

Всё это имущество было без лишних церемоний изъято новыми хозяевами жизни, а сотрудники фактически оказались на улице. Наверняка они тоже вспоминали прежнее руководство, но выражения при этом использовали не такие лестные.

Нахождение посольского комплекса в собственности принципиально меняло отношение Министерства иностранных дел к этому объекту. В него не боялись вкладывать деньги. Регулярно проводились капитальные ремонты, реконструкции и различные работы по модернизации зданий и инженерных систем.

Поэтому в определённой степени Родиону повезло. Он прибыл не в полуразвалившееся учреждение, доживающее свой век за счёт энтузиазма сотрудников, а в небольшое, ухоженное и вполне современное посольство, где имелось всё необходимое для нормальной жизни и работы.

Отдельное административное здание вмещало всех сотрудников без исключения. Каждый дипломат имел собственный кабинет, что по меркам многих зарубежных пред-

ставительств уже считалось роскошью.

Неподалёку возвышался восьмиэтажный жилой дом, в котором проживало большинство сотрудников посольства вместе со своими семьями. Конечно, отдельные категории дипломатов могли позволить себе куда более комфортные условия проживания. Посол, его заместитель и военный атташе занимали отдельные виллы. Однако подобная роскошь предназначалась лишь для узкого круга избранных.

Поэтому Родиону, как представителю самой нижней ступени пищевой цепочки дипломатического мира, была выделена небольшая, но отдельная двухкомнатная квартира в жилом корпусе. По меркам молодого дипломата это уже считалось огромной удачей.

На территории комплекса располагался и небольшой одноэтажный домик с самостоятельным выходом на улицу. Здесь находился консульский отдел, куда ежедневно приходили граждане России и местные жители, нуждавшиеся в консульских услугах.

Для отдыха сотрудников был оборудован небольшой бассейн и спортивная площадка. После рабочего дня дипломаты с удовольствием плавали, играли в волейбол или просто приводили мысли в порядок, набираясь сил для дальнейшего продвижения интересов России на задонской земле.

Вся территория буквально утопала в зелени экзотических деревьев, цветущих кустарников и аккуратно подстриженных газонов. За этим великолепием уже много лет следили

два местных садовника-задонца.

Своей работой они дорожили чрезвычайно. Зарплата, которую выплачивало посольство, по местным меркам считалась очень высокой и автоматически переводила их в категорию весьма обеспеченных граждан страны. Поэтому деревья под их присмотром цвели, кусты не болели, а трава выглядела настолько ухоженной, словно каждое утро её причёсывали специальной расчёской.

Первый друг

Коробки лежали бесформенными завалами во всех комнатах и даже в прихожей. Некоторые ещё сохраняли следы недавних путешествий по аэропортам трёх континентов и выглядели так, словно пережили небольшой государственный переворот.

Измученный перелётами Родион провалился в сон сразу после того, как вошёл в квартиру. Он честно собирался разобрать вещи. Потом решил сначала присесть на край кровати и перевести дух. На этом его героическая борьба с багажом закончилась. Сознание покинуло молодого дипломата настолько стремительно, что он даже не успел снять галстук.

Проснулся Родион от противного треска дверного звонка. Открыв глаза, он несколько секунд смотрел по сторонам и пытался понять, в какой стране находится. После ночного перелёта мозг предлагал сразу несколько вариантов. Среди них были Россия, Задония и почему-то Монголия.

Звонок вновь затрещал. Более настойчиво. В комнату проникал яркий дневной свет. Часы показывали девять утра.

— Кто бы ты ни был, — пробормотал Родион, — имей совесть...

Звонок ответил ещё одним длинным трелем. Пришлось вставать. К счастью, одежда оставалась на месте. К несчастью, организм — всё ещё продолжал лежать на кровати.

Добравшись до двери, Родион повернул ключ. Едва створка открылась, как в квартиру без приглашения ворвался высокий мужчина лет тридцати. Крепкого телосложения, с уверенным лицом министерского чиновника и глазами профессионального психолога.

Не говоря ни слова, он сграбастал Родиона в объятия.

— Здорово, Родион! Наконец-то ты приехал! Теперь нас будет двое нормальных людей среди этой толпы бездельников и карьеристов!

После чего ещё крепче прижал его к груди. Родиону показалось, что новый знакомый собирается либо задушить его от радости, либо усыновить. Наконец объятия разжались. Гость уверенно закрыл дверь изнутри и направился на кухню. Родион молча пошёл следом. Сопротивляться было поздно. Да и судя по напору незнакомца, бесполезно.

На кухне гость поставил на стол портфель, открыл его и извлёк бутылку джина.

— За знакомство! За приезд! За международное сотрудничество!

— Простите, а вы кто? — осторожно поинтересовался Родион.

— Как кто? Алексей Филатов. Алексей Евгеньевич. Заведующий консульским отделом. Скоро два года как тяну эту дипломатическую баржу через океан человеческих недостатков.

Он поставил бутылку на стол и уверенно уселся на стул.

Так обычно ведут себя хозяева квартиры. Или оккупанты.

— Вообще-то я ещё даже не умывался...

— Тем более.

— И не завтракал.

— Отлично.

— И спал часа три.

— Значит, организму срочно требуется поддержка.

Филатов уже искал стаканы.

— Послушай, брат. Я единственный человек в этом посольстве, который способен уберечь тебя от глупых ошибок. Более того — я назначен твоим неофициальным наставником.

— Кем назначен?

— Собой.

— Понятно.

— Поэтому доставай стаканы.

Родион послушно открыл шкаф. Он вдруг поймал себя на мысли, что совершенно перестал понимать происходящее.

— Видишь ли, — продолжал Алексей, — это не ради алкоголя. Это медицина.

— Джин?

— Именно.

— Медицина?

— Конечно.

Консул посмотрел на него свысока. Так профессор смотрит на студента, который сыпется на элементарном вопросе.

— Ты в Африке, Родион. Здесь всё серьёзно. Не будешь пить джин — заработаешь малярию. Откажешься от виски — заведутся амёбы. Проигнорируешь ром — подхватишь денге. А если полностью исключишь водку, то просто сойдёшь с ума от местной действительности.

— Это доказано на практике?

— Лично мной.

— Тогда вопросов нет.

Филатов наполнил стаканы.

— За знакомство и успешную командировку!

Он опрокинул содержимое одним движением. Родион сделал осторожный глоток. Затем второй. После чего поставил стакан на стол. Консул посмотрел на него с таким выражением лица, будто увидел человека, который остановился на середине прыжка через пропасть.

— Нет, дорогой мой.

— Что?

— Так иммунитет не формируется.

— Не формируется?

— Абсолютно.

— И что делать?

— Допивать.

— Это обязательно?

— Малярия ждать не будет.

Под тяжёлым взглядом наставника Родион допил стакан.

— Вот и молодец.

Консул довольно кивнул.

— Теперь можно закусывать. Чего из России привёз?

— Колбасу.

— Отлично. Нарезай.

— Может, сначала кофе?

— Родион, не разочаровывай меня.

Пока атташе нарезал колбасу и хлеб, Филатов продолжал инструктаж.

— Коллектив у нас хороший.

— Это очень радует.

— Люди только подкачали.

— Не состыковка.

— В целом все приличные. Но стоит где-нибудь чему-нибудь сломаться, потеряться или загореться — сразу бегут ко мне.

Он принялся загибать пальцы.

— Алексей Евгеньевич, помогите визу оформить. Алексей Евгеньевич, переведите с местного диалекта. Алексей Евгеньевич, договоритесь с полицией. Алексей Евгеньевич, объясните водителю, что посольский автомобиль не предназначен для перевозки коз.

— Был такой случай?

— Если бы только один раз.

— И что?

— Ну довели мы этих коз. Не бросать же их было среди диких хищников!

Консул тяжело вздохнул.

— Короче, посол здесь исключительно для красоты дипломатического пейзажа. На самом деле всем заведую я.

Он снова наполнил стаканы.

— Ещё бы его супруга не руководила посольством и всей Задонией из своей столовой — вообще всё было бы прекрасно.

После второго тоста окружающий мир действительно стал казаться Родиону значительно дружелюбнее. Даже коробки выглядели уже не как последствия стихийного бедствия, а как имущество уважаемого человека.

Филатов тем временем продолжал знакомить его с коллективом.

— Второй человек у нас Бульбин Ефим Никифорович. Хороший мужик. Добрый. Безобидный.

— И?

— Самый активный сторонник профилактических средств. Может неделю лечиться не выходя из квартиры.

— Это возможно?

— Я тоже раньше думал, что не возможно.

Алексей откусил бутерброд.

— Но справки пишет гениальные. После его аналитики складывается впечатление, что Задония управляет половиной планеты, а вторая половина только мечтает получить её гражданство.

Родион невольно улыбнулся.

— За безопасность отвечает Сергей Геннадьевич Заставин. Нормальный человек. Оптимист неисправимый.

— Это плохо?

— Иногда. Если возле посольства взорвётся танк, Заставин скажет, что это отличный повод проверить пожарную сигнализацию.

— А военный атташе есть?

— О! Это отдельная история.

Консул поднял палец вверх.

— Иван Иванович Глыбин. Если Заставин считает, что всё хорошо, то Глыбин уверен, что всё всегда на грани краха.

— Настолько?

— Настолько. Была бы его воля, он бы окружил посольство минными полями, а возле бассейна поставил бы батарею ПВО.

— Зачем возле бассейна?

— Потому что враг коварен.

Консул посмотрел грустно на бутылку, но стойко отвернул от неё свой взор.

— Не буду сейчас забивать тебе голову всеми остальными персонажами нашего дипломатического театра. — Филатов отмахнулся рукой. — Сам познакомишься. Так даже интереснее будет.

— Их много?

— Достаточно.

— И все нормальные?

— Смотря по каким меркам.

Консул задумался.

— Вообще, у нас удивительное место. Если послушать каждого сотрудника по отдельности, то окажется, что именно он является вторым человеком в посольстве после посла.

— Даже так?

— Именно так. Заведующая канцелярией уверена, что без неё государственная машина остановится через пятнадцать минут. Бухгалтер считает, что дипломатия держится исключительно на правильном заполнении финансовых отчётов. Завхоз убеждён, что посольство может функционировать только потому, что он своевременно меняет лампочки и закупает туалетную бумагу. Водитель вообще смотрит на всех сверху вниз, потому что возит посла.

— А кто же тогда второй человек на самом деле?

— Я, конечно.

— Понятно.

— Хотя справедливости ради, каждый из них может привести десяток убедительных аргументов в свою пользу.

Филатов сделал паузу и усмехнулся.

— Поэтому не спорь ни с кем. Просто кивай головой. Через месяц сам поймёшь, кто есть кто. А через полгода будешь объяснять новому сотруднику, что именно ты являешься вторым человеком в посольстве.

Наконец консул поднялся из-за стола.

— Ладно. В десять тебя ждёт посол. Будут официальные

смотрины.

Он направился к двери.

— Лёша!

Консул обернулся.

— Что?

Родион протянул ему пакет. Из него выглядывали гречка, батон колбасы и буханка бородинского хлеба. Несколько секунд Филатов смотрел на содержимое так, словно ему вручили государственную награду.

— Родион...

— Да?

— Ты хороший человек.

— Спасибо.

— Нет. Ты не понял.

Консул бережно прижал пакет к груди.

— Ты святой.

После чего решительно добавил:

— За такой подарок я готов лично объяснять тебе местную дипломатию целых два месяца.

— А потом?

— Потом будешь выживать самостоятельно.

И новый друг исчез так же стремительно, как появился. В квартире снова воцарилась тишина. Только полупустая бутылка джина на столе напоминала о том, что утро дипломата в Задонии началось несколько необычнее, чем это предполагалось инструкциями Министерства иностранных дел.

Ударный кулак посольства

— Уважаемые господа, разрешите представить нашего нового сотрудника — атташе Разумовского Родиона Сергеевича. Проходите, присаживайтесь, — произнёс посол и указал на свободный стул.

Родион поблагодарил Фому Спиридоновича кивком и занял своё место за длинным столом для совещаний.

Он с интересом принялся разглядывать людей, которым предстояло стать его ближайшим окружением на несколько лет.

— В свою очередь хотел бы представить вам основных акторов нашего посольства, так сказать, ударный кулак продвижения интересов России в Задонии, — продолжил посол. — Начнём с моего заместителя, моей правой руки — Бульбина Ефима Никифоровича.

При этих словах медленно поднялся мужчина весьма почтенного возраста. Костюм на нём выглядел так, словно уже несколько лет вёл самостоятельную жизнь отдельно от утюга. Галстук держался на шее исключительно благодаря многолетней привычке. Сам же Ефим Никифорович производил впечатление человека, который за свою дипломатическую карьеру видел столько государственных переворотов, кризисов и международных скандалов, что перестал чему-либо удивляться ещё в прошлом тысячелетии.

Лицо его напоминало задумчивого шарпея, достигшего философского просветления. Из-за толстых линз очков внимательно смотрели умные и немного усталые глаза.

— Большой знаток внутренней и внешней политики Задонии, — продолжал посол. — К сожалению, пока ещё в должности советника, но мы активно работаем с Центром над его повышением до советника-посланника.

Бульбин слегка наклонил голову. Было непонятно, благодарит ли он посла за высокую оценку или просто борется со сном. Не произнеся ни слова, заместитель столь же неторопливо сел обратно.

— Полковник Глыбин Иван Иванович — военный атташе. Со своего места мгновенно поднялся подтянутый офицер. В отличие от Бульбина, его форма выглядела так, будто пять минут назад прошла строевой смотр. Каждая складка находилась на своём месте. Каждая пуговица сияла. Даже волосы, казалось, были подстрижены по линейке.

— Иван Иванович поддерживает устойчивые связи с Министерством обороны Задонии, курирует военно-техническое сотрудничество и образовательные программы военной тематики.

Полковник решительно подошёл к Родиону и протянул руку.

— Здравия желаю! С прибытием в коллектив!

Рукопожатие оказалось таким крепким, словно Родиона проверяли на пригодность к службе в десантных войсках.

— Очень рассчитываю на вас в кризисной ситуации. Вижу, физическая форма хорошая. Поэтому по боевой тревоге немедленно прибывайте ко мне в кабинет. Ружьё и бронжилет для вас уже предусмотрены. Лишний стрелок никогда не бывает лишним.

Родион несколько опешил

— Служу России, товарищ полковник!

— Вот это правильный настрой! — одобрительно кивнул Глыбин.

Возвращаясь на своё место, он по пути машинально осмотрел окна, дверь и потолок, словно проверяя возможные пути эвакуации.

— Заставин Сергей Геннадьевич, мой помощник по вопросам безопасности. Очень компетентный специалист и большой знаток региона.

Мужчина среднего роста буквально выпрыгнул из-за стола и с широкой улыбкой направился к новичку.

— Добро пожаловать в наши пенаты! — радостно заявил он. — Очень рад пополнению.

Он энергично пожал руку Родиону.

— Чувствую, теперь наши дела точно пойдут в гору. Пробьём наконец брешь в стене местной бюрократии.

— Неужели она такая прочная? — поинтересовался Родион.

— Чудовищно прочная. Но мы её уже почти победили.

— И как успехи?

— Пока разгребали две коробки задонских отписок, уже все забыли с чего всё начиналось.

Сергей Геннадьевич рассмеялся собственной шутке.

— Но мы не сдаёмся. Заходите как-нибудь, расскажу про местную специфику. Здесь без чувства юмора долго не работаете.

— Ну и наконец, Алексей Евгеньевич Филатов, заведующий консульским отделом.

Алексей слегка приподнялся со стула и театрально поклонился.

— Алексей Евгеньевич не одну собаку съел на земле, решая проблемы наших граждан и специалистов.

— Причём не только в переносном смысле, — уточнил Алексей.

— Очень профессиональный сотрудник и великолепный знаток страны пребывания.

— Особенно её баров и ресторанов, — добавил Заставин.

— Это называется работа с населением, — немедленно парировал Алексей.

В кабинете раздались сдержанные смешки. Фома Спиридонович сделал вид, что ничего не услышал. Когда представление завершилось, посол занял своё место во главе стола.

— Уважаемые коллеги, как вы прекрасно понимаете, штат нашего посольства не позволяет каждому заниматься исключительно своим направлением работы.

Родион слушал внимательно. Пока всё звучало вполне ра-

зумно.

— Поэтому Родиону Сергеевичу придётся в кратчайшие сроки погрузиться во внутреннюю политику, внешнюю политику, экономические вопросы, гуманитарное сотрудничество, образовательные программы...

Родион продолжал слушать.

— ...замещать заведующего консульским отделом во время его отсутствия...

Родион слегка напрягся.

— ...оказывать помощь по административно-хозяйственным вопросам...

Родион выпрямился.

— ...взаимодействовать с городской администрацией, коммунальными службами, подрядными организациями...

Атташе осторожно посмотрел на остальных сотрудников. Те сохраняли абсолютно серьёзные лица. Похоже, это не было шуткой.

— ...при необходимости помогать инженеру, бухгалтеру, завхозу и другим сотрудникам посольства...

Родион почувствовал, что количество обязанностей начинает опасно приближаться к численности населения самой Задонии.

— Кроме того, Родион Сергеевич, мне бы хотелось поручить вам функции пресс-атташе.

Молодой дипломат моргнул.

— В настоящее время данное направление у нас несколь-

ко запущено. Между тем деятельность посольства и лично посла незаслуженно остаётся вне внимания средств массовой информации.

В эту секунду Родион впервые усомнился, что Павел Петрович и он одинаково понимают выражение «щадающая нагрузка». Перед глазами всплыли слова старого друга отца: «Работы будет немного. Останется время и на саморазвитие, и на отдых». Теперь Родион начинал подозревать, что под отдыхом Павел Петрович подразумевал сон по воскресеньям. И то не каждый выходной.

Но больше всего его удивило другое. Никто из присутствующих не выглядел перегруженным. Наоборот. И судя по выражениям лиц, каждый из них был абсолютно уверен, что именно он является главным человеком в посольстве после посла. И тянет на себе самые ответственные участки работы.

И только спустя несколько месяцев Родион поймёт, что это удивительное убеждение разделяют здесь абсолютно все сотрудники — от заместителя посла до завхоза и квалифицированного рабочего.

— Дорогие друзья! А сейчас я хотел бы сверить, что называется, стрелки наших часов по ситуации в стране. Заодно и Родион Сергеевич войдёт в курс дела.

Фома Спиридонович снял очки и устало потёр переносицу. На несколько секунд в кабинете воцарилась тишина.

— Все вы прекрасно знаете, что после распада Советского Союза наше присутствие в Задонии фактически было све-

дено к минимуму. Когда-то здесь работали тысячи специалистов, строились предприятия, дороги, школы, госпитали. Советских людей знали в каждом уголке страны. Старшее поколение задонцев до сих пор вспоминает наших врачей, инженеров и преподавателей добрым словом.

Посол слегка улыбнулся.

— Правда, как показывает практика, добрые слова являются крайне ненадёжной валютой в международных отношениях.

В кабинете раздалось несколько одобрительных возгласов.

— Мы великодушно простили Задонии многомиллиардный государственный долг, рассчитывая, что благодарность и здравый экономический расчёт помогут сохранить наше влияние в регионе. К сожалению, выяснилось, что память государственных чиновников значительно короче памяти простых людей.

Фома Спиридонович сделал небольшую паузу.

— Сегодня многие представители местной элиты искренне убеждены, что дороги, электростанции и университеты здесь появились исключительно благодаря природным явлениям. Примерно так же, как сезон дождей или миграция антилоп.

Филатов тихо усмехнулся.

— В результате нам приходится практически заново выстраивать отношения с государством, которое когда-то счи-

талось одним из наших наиболее надёжных партнёров на континенте.

Посол задумчиво посмотрел в окно.

— При этом времена изменились. Если раньше основная конкуренция велась между двумя сверхдержавами, то сегодня на задонском направлении одновременно работают китайцы, американцы, европейцы, турки, арабы и ещё множество желающих помочь Задонии исключительно из бескорыстной любви к её полезным ископаемым и природным ресурсам.

На этот раз улыбнулись уже все присутствующие.

— Поэтому пространство для манёвра у нас не просто ограничено. Иногда складывается впечатление, что оно существует исключительно в теории.

Посол вновь надел очки.

— Тем не менее я убеждён, что наш коллектив использует имеющиеся возможности максимально эффективно.

Тон его заметно оживился.

— За последние годы мы существенно повысили качество информационно-аналитической работы. Наши материалы регулярно используются различными департаментами Министерства иностранных дел. Более того, информация из двух наших справок была включена в обобщённом виде в материалы для Правительства Российской Федерации.

Ефим Никифорович слегка выпрямился в кресле. Это была его маленькая профессиональная победа.

— Есть положительная динамика и в экономическом сотрудничестве. Товарооборот вплотную приблизился к отметке в один миллион долларов в год.

Фома Спиридонович выдержал паузу.

— Конечно, в былые времена такая сумма могла потеряться где-нибудь между второй и третьей страницей контракта на поставку тракторов.

В кабинете тихо рассмеялись.

— Но мы предпочитаем сравнивать себя не с прошлым, а с настоящим. А настоящее говорит о том, что торговля растёт. Медленно. Очень медленно. Иногда почти незаметно. Но растёт.

Посол поднял палец.

— И если Задония не придумает очередную реформу, способную остановить экономику на несколько месяцев, то в следующем году мы вполне можем преодолеть этот психологический рубеж.

Сергей Геннадьевич одобрительно кивнул. В способность Задонии неожиданно обвалить собственную экономику верили абсолютно все присутствующие.

— Не менее важным остаётся гуманитарное сотрудничество. В прошлом году мы направили десять задонских студентов на обучение в российские вузы и трёх военнослужащих по линии Министерства обороны.

— Все трое успешно доехали и даже приступили к учёбе,
— вставил Глыбин.

— Что само по себе является показателем эффективности программы, — серьёзно поддержал шутку посол.

Даже Бульбин позволил себе едва заметную улыбку.

— Одним словом, определённые успехи есть, товарищи. Не такие, какими нам хотелось бы их видеть. Не такие, какими они были когда-то. Но они есть.

Фома Спиридонович обвёл взглядом сотрудников.

— Большая политика любит говорить о глобальных процессах, геополитике и стратегических интересах. Но на практике влияние государства часто начинается с одного во-вре-мя написанного документа, одного приглашённого студента, одного проведённого мероприятия или одной полезной встречи.

Он посмотрел на Родиона.

— Поэтому попрошу всех закатать рукава. А вас, Родион Сергеевич, ещё и набраться терпения. Успех России в Задонии во многом зависит от нашей работы. Иногда неблагодарной. Иногда незаметной. Но всё-таки очень важной.

Посол закрыл папку.

— А теперь попрошу каждого из вас дать краткую справку по курируемым направлениям.

Первым начал Бульбин. Он медленно поднялся со своего места, поправил очки и несколько секунд задумчиво смотрел в потолок. Со стороны казалось, что Ефим Никифорович пытается установить прямую связь с аналитическим управлением МИДа через космос.

Наконец канал связи открылся.

— Внутриполитическая ситуация в стране характеризуется высокой степенью нестабильности и сохраняющейся конфликтностью основных политических акторов, — монотонно начал он.

Голос заместителя посла обладал удивительным свойством. Уже через тридцать секунд хотелось внимательно слушать каждое слово. А ещё через минуту — немедленно уснуть.

— В парламенте продолжается противостояние между правящей «Народной партией Задонии» и оппозиционной «Партией задонской независимости». Помимо них присутствует третья политическая сила — «Ассоциация племенных народов Задонии».

Бульбин сделал паузу.

— Однако многочисленные противоречия между вождями племён не позволяют данной организации эффективно конкурировать с двумя основными партиями.

— Сколько у них вождей? — осторожно поинтересовался Родион.

— Двадцать семь.

— А племён?

— Восемь.

— Не совсем понятно.

— Согласен, Родион Сергеевич, — серьёзно ответил Бульбин. — Понять это на трезвую голову невозможно.

По кабинету прокатились смешки. Сам же докладчик сохранил абсолютно невозмутимый вид.

— НПЗ традиционно ориентируется на сотрудничество с Россией и Китаем. ПЗН активно поддерживается соседней Габдоной и связанными с ней западными структурами.

— И каковы перспективы на предстоящих выборах в парламент? — спросил посол.

— Если победит НПЗ, ничего не изменится.

— А если ПЗН?

— Ничего не изменится первые полгода. Затем они обвинят друг друга во всех экономических проблемах. После чего всё вернётся к нынешнему состоянию.

Родион украдкой посмотрел на остальных. Сейчас ему казалось, что он находится в параллельном измерении сюрреализма. Но похоже, никто не сомневался в точности прогноза Бульбина. Мало того, на него смотрели полностью согласные с его выводами лица.

— Единственное, что действительно объединяет лидеров двух партий, — продолжал Бульбин, — это взаимная ненависть.

— Это хорошо или плохо? — спросил консул.

— Это стабильно.

Заместитель посла поправил очки.

— Президент Нельсон Мбугон и лидер оппозиции Роберт Абдуба ненавидят друг друга настолько сильно, что вынуждены постоянно соблюдать демократические процедуры.

Иначе давно попытались бы решить политические разногласия более традиционными способами...

Бульбин сделал театральную паузу, во время которой внимательно обвёл присутствующих взглядом:

— Напоминаю, господа, что последний официальный случай каннибализма на территории Задонии был зафиксирован в 1976 году. В рамках глобальной современной истории человечества, можно с определённой уверенностью утверждать, что ещё вчера местные граждане с удовольствием кушали на обед своих политических оппонентов.

— Да, коллеги, ситуация непростая, — задумчиво подвёл итог посол. — Не сомневаюсь, что её глобальная важность находится на постоянном контроле руководства нашего министерства. Возможно, даже на уровне заместителя директора Департамента Африки.

Следующим поднялся Глыбин.

— Военная обстановка остаётся стабильной.

Полковник раскрыл папку.

— Лично поддерживаю постоянный контакт с министром обороны Задонии. Как вы знаете, он выпускник нашего танкового училища. Настоящий профессионал.

По выражению лица полковника становилось понятно, что министр обороны занимает в его личной системе ценностей место где-то между Суворовым и Жуковым.

— К сожалению, месяц назад неизвестные злоумышленники похитили несущий винт с единственного вертолётного во-

енно-воздушных сил.

Родион поднял голову.

— Вертолёт был один?

— Формально два, — уточнил Глыбин. — Но второй используется как склад запасных частей.

— А первый?

— Теперь тоже.

Филатов закашлялся, скрывая улыбку.

— Тем не менее ситуация не критическая. Пик дизентерии в единственном мотострелковом батальоне пройден. Личный состав постепенно возвращается в строй.

— Отличная новость, — серьёзно кивнул посол.

— Кроме того, завершён ремонт ещё одного катера береговой охраны.

— И сколько их теперь?

— Два.

Глыбин выдержал паузу.

— Оба на ходу.

Некоторое время в кабинете царила тишина. Полковник явно ожидал, что присутствующие оценят масштаб события.

— Таким образом, военно-морские силы страны увеличили боевой потенциал практически вдвое.

После этих слов Родион окончательно перестал понимать, где заканчивается юмор и начинается государственная аналитика.

— Также имеются хорошие перспективы по восстановле-

нию бронетанковой техники. На следующей неделе планируется доставка двигателя для единственного бронетранспортёра.

— И где же умудрились раздобыть эту раритетную детальку? — иронично поинтересовался Заставин.

— Из другой провинции, мальчишки случайно откопали в песке утерянный ранее бронетранспортёр.

— Это серьёзно.

— Конечно, молодёжное крыло НПЗ активно помогает партии восстанавливать военно-политическую мощь страны.

Глыбин удовлетворённо продолжил:

— В целом вооружённые силы способны оказать определённое влияние на поддержание конституционного порядка.

— При условии, что конституционный порядок будет находиться недалеко от столицы, — негромко заметил Филатов.

Следующим выступил Заставин. Он поднялся на ноги с видом человека, который твёрдо решил не поддаваться панике ни при каких обстоятельствах.

— У меня нет никаких оснований для драматизации ситуации. Органы государственной безопасности демонстрируют уверенное поступательное развитие.

— В чём оно выражается? — поинтересовался посол.

— В прошлом году китайские друзья поставили Министерству государственной безопасности десять компьютеров.

— Новых?

— Почти.

— Это радует.

— Более того, восемь из них даже работают.

— А сотрудники?

— Пока не все освоили клавиатуру, но прогресс очевиден, мышкой пользуются уверенно.

Лицо консула озарила лучезарная улыбка.

— Что касается полиции, ситуация также улучшается. Недавно сотрудникам выплатили задолженность по заработной плате за два месяца прошлого года.

— И каков эффект? — спросил посол.

— Потрясающий.

— В чём он выражается?

— Полиция стала значительно реже останавливать автомобили исключительно ради финансового общения с водителями.

В кабинете вновь раздался смех.

— В целом предлагаю сохранять оптимизм. Страна развивается. Медленно, неровно, иногда в неожиданном направлении, но развивается.

Последним поднялся Алексей.

— Консульский отдел полностью справляется с поставленными задачами.

— Даже не сомневаемся, — буркнул Заставин.

— В этом году нами выдано сто пятьдесят виз против ста

двадцати за аналогичный период прошлого года.

— Рост впечатляющий.

— Именно.

Алексей важно кивнул.

— Кроме того, оформлены десятки доверенностей, свидетельств и других консульских документов. Всем двадцати пяти российским гражданкам, постоянно проживающим в Задонии, оказывается необходимая помощь.

— А рыбаки? — спросил посол.

— Рыбаки тоже под контролем.

— Не шалят?

— Пока нет.

— Значит, обязательно начнут.

— Согласен с вами. Показатели по залётам рыбаков остаются стабильными на протяжении всего периода их присутствия.

— Что ж, коллеги, благодарю за содержательные доклады, — подвёл итог Фома Спиридонович. — Родион Сергеевич, надеюсь, у вас сложилось объективное представление о положении дел в стране.

Родион посмотрел на присутствующих. Судя по услышанному, Задония одновременно находилась на грани политического кризиса, военного возрождения, административной модернизации и экономического рывка. При этом её армия располагала двумя катерами, одним бронетранспортером без двигателя и вертолётom без винта.

— Да, Фома Спиридонович, — осторожно ответил он. — Сейчас общая картина стала более понятной, не такой, как она представляется в МИДе.

— Вот и я об этом говорю без устали! Потенциал двусторонних отношений с Задонией ещё не до конца понят некоторыми сотрудниками нашего министерства. И именно наша плодотворная работа сможет наконец открыть глаза руководству нашей страны. В этой связи, предлагаю не мешкая приступить к работе. Задония ждёт нашего участия в своей судьбе! ...

Заведующая канцелярией

Первым делом, по совету своего нового друга, Родион решил ознакомиться с территорией посольства и представиться остальным сотрудникам. Которые хоть и обозначались в официальных документах, как административно-технический персонал, но выполняли не менее важную функцию в обеспечении бесперебойной жизнедеятельности дипмиссии.

Выйдя из кабинета посла, Родион сразу увидел золочёную табличку с надписью: «Заведующая канцелярией. Галкина Любовь Олеговна».

Родион громко постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь.

За столом сидела полная дама бальзаковского возраста и тщательно выводила ярко-красной помадой стрелки на своих губах. Волосы её были собраны на голове в пучок. И в целом представшая перед взором атташе мадам ничем не отличалась от таких же женщин, выполняющих важную работу документооборота отдельно взятого государственного учреждения.

— Любовь Олеговна, разрешите представиться: атташе посольства...

— Родион Сергеевич, — прервала его барышня. — Ну что же вы без стука врываетесь? Я как раз к вашему приходу пытаюсь красоту навести, чтобы предстать перед вами в

естественной первозданности. Присаживайтесь, голубчик.

Родион с удовольствием расположился на указанный ему стул, который весьма предусмотрительно стоял возле кресла самой Любови Олеговны.

— Очень правильно, что согласились на Задонию. А то нынешней молодёжи сразу Швейцарию подавай. Или Францию. Или хотя бы Австрию. Будто дипломаты для того и нужны, чтобы сыр есть и на горы смотреть.

После этих слов Родион невольно втянул голову в плечи.

— А здесь люди настоящие. Душевные. Простые. И поговорить есть с кем. Не то что в этих ваших Европах. Там все друг на друга смотрят, как будто конкурс павлинов выиграть собираются.

Любовь Олеговна закончила с губами, внимательно посмотрела на результат в зеркальце и осталась довольна.

— Вам очень повезло, что именно я заведу канцелярией. Некоторые молодые сотрудники думают, что посольство держится на после. Наивные люди. Посол сегодня есть, завтра его перевели. Советник уехал. Консул приехал. Атташе сменился. А канцелярия вечна.

— Полностью с вами согласен! — осторожно поддакнул Родион.

— Конечно. Пока я не отправлю ноту — её как будто и не существует. Пока не зарегистрирую документ — его нет в природе. Пока не найду нужную бумагу — никто её не найдёт. В дипломатии, Родион Сергеевич, кто владеет вхо-

дящим номером, тот и управляет мировой политикой.

После этих слов Любовь Олеговна значительно подняла палец вверх.

— Запомните простую вещь. Половина карьеры дипломата делается в кабинетах начальства. Вторая половина — в канцелярии.

Родион решил не спорить.

— Посмотрела вашу объективку. Молодой. Перспективный. Не женат.

Последние два слова прозвучали особенно отчётливо.

— Это очень правильно, что вы не стали перед командировкой связывать себя семейными обязательствами. Столько браков здесь развалилось... Вы даже не представляете. Сначала жена говорит: «Езжай, любимый, я подожду». Потом проходит полгода. Потом год. Потом появляется какой-нибудь фитнес-инструктор. Или стоматолог. Или вообще преподаватель йоги. И всё.

Любовь Олеговна печально вздохнула.

— Поэтому надёжнее всего искать супругу среди своих. В посольстве.

Родион почувствовал, что дипломатический кризис возник гораздо раньше, чем ожидалось.

— Полностью согласен с вами, Любовь Олеговна. Вот освоюсь немного и вызову сюда свою невесту. Возможно, даже в консульском отделе распишемся.

Лицо заведующей канцелярией начало медленно менять

геополитическую ориентацию.

— Ну что же вы сразу так... — тихо произнесла она. — О таких вещах предупреждать нужно заранее. Подготовить человека морально.

— Простите.

— Эх, судьба-злодейка... — пробормотала она.

Потом снова повернулась к Родиону.

— Ладно, иди. Если что понадобится — заходи. Только сначала постучи.

— Обязательно.

— И не просто постучи. А с уважением.

Дверь закрылась. Любовь Олеговна ещё несколько секунд смотрела на неё, словно надеясь, что молодой атташе вдруг передумает и вернётся обратно. Не вернулся.

Она медленно достала из сумочки маленькое зеркальце и внимательно посмотрела на своё отражение.

— Ну и чего ты опять размышлялась, Люба? — тихо спросила она сама себя.

Из зеркала на неё смотрела уже далеко не та девушка, которая когда-то впервые переступила порог министерства. Тогда ей было двадцать.

Красивая, уверенная в себе, с длинными ногами, высокой причёской и абсолютной убеждённости, что жизнь приготовила для неё что-то особенное.

В первой командировке она выбирала.

Во второй — присматривалась.

В третьей — ждала.

В четвёртой начала надеяться хоть на что-нибудь.

А потом как-то незаметно выяснилось, что все перспективные женихи уже обзавелись семьями, молодые дипломаты смотрят на девушек помоложе, а ровесники либо давно разведены и никому не верят, либо настолько счастливы в браке, что даже разговаривать с ними скучно.

Любовь Олеговна грустно усмехнулась. Сколько их было за эти годы? Красивых. Умных. Перспективных. Будущих послов. Будущих советников. Будущих представителей России при каких-нибудь международных организациях с неприлично длинными названиями. Каждый раз ей казалось, что вот он. Тот самый.

Но кто-то неожиданно возвращался к жене. Кто-то находил любовь всей жизни. Кто-то просто исчезал после окончания командировки, оставляя после себя лишь фотографии на корпоративных праздниках.

А время продолжало идти. Без отпусков. Без выходных. Без дипломатических привилегий. Однажды она вдруг поймала себя на мысли, что уже не мечтает ни о принце, ни о после, ни о большом доме у моря.

Ей хотелось гораздо более скромных вещей. Чтобы кто-нибудь встречал её после работы. Чтобы ворчал за ужином. Чтобы спрашивал, как прошёл день. Чтобы приносил лекарства, когда она болеет. Чтобы было кому сказать вечером: «Представляешь, что сегодня опять учудил наш консул?» И

чтобы этот человек понимал, о чём вообще идёт речь.

Любовь Олеговна вздохнула и убрала зеркальце обратно в сумочку.

За окном ярко светило задонское солнце. На флагштоке лениво колыхался российский флаг. Где-то во дворе посольства громко смеялся новый атташе. Молодой. Красивый. Влюблённый.

Она улыбнулась.

— Хотя у кого-то всё складывается правильно, — сказала Любовь Олеговна и снова потянулась к стопке документов.

Документы, в отличие от мужчин, никогда её не бросали.

Бегемот

— Не смотри, что старая и потёртая! На ней ещё твой сын будет ездить, когда приедет сюда новым атташе! — заявил водитель и с такой нежностью похлопал автомобиль по крылу, словно представлял молодого наследника Родиона уже где-нибудь в две тысячи пятидесятом году. — Меня, кстати, Александр зовут, Голяков, я тут за весь транспорт отвечаю и много ещё за что, попутно.

Родион молча посмотрел на свою новую служебную машину. Если говорить откровенно, автомобиль выглядел так, словно участвовал не только в провозглашении независимости Задонии, но и в подготовке этого исторического события.

Краска местами выгорела под африканским солнцем, бампер хранил следы многочисленных дипломатических побед и поражений, а левое зеркало держалось исключительно благодаря вере в лучшее будущее и несколькими слоям изоляции.

— Не кажется ли вам, что он несколько старомодно смотрится в современных условиях? — осторожно поинтересовался Родион.

Голяков посмотрел на него с жалостью человека, которому только что сообщили, что Земля плоская.

— Запомни, юноша. В современных условиях Задонии

автомобиль должен обладать всего двумя качествами.

— Какими?

— Заводиться утром и возвращаться в посольство вечером.

Он сделал паузу.

— Желательно в той же комплектации.

Родион ещё раз посмотрел на машину.

— А это точно происходит регулярно?

— Не всегда. Но чаще, чем у остальных.

Водитель гордо улыбнулся. С короткой стрижкой, плотного телосложения, с уверенным выражением лица и постоянной улыбкой, он проработал в транспортном отделе министерства столько лет, что уже плохо помнил фамилии большинства послов и министров.

Зато отлично помнил их автомобили. По его глубокому убеждению, дипломатический состав постоянно менялся, совершал ошибки и уезжал домой, а настоящую стабильность российской внешней политики обеспечивали именно водители и механики.

— Между прочим, — продолжил он, — на этой машине ездили пять атташе, два советника и один временный поверенный.

— И как, успешно?

— Атташе уехали на повышение. Советники стали послами. Временного поверенного сняли.

— Почему?

— Не сошёлся с послом в оценках внутривластической ситуации в посольстве.

Родион решил не уточнять подробности.

— Не сомневаюсь, что если продать этот раритет какому-нибудь коллекционеру, можно купить что-нибудь поновее.

— По новым автомобилям тебе к бухгалтеру.

Голяков тяжело вздохнул.

— Она женщина суровая. За каждый выданный доллар сдирает два доллара нервов и ещё седых волос на пятьдесят центов.

Я бы с удовольствием купил тебе новый автомобиль. Но у нас тут всё устроено иначе.

— Как именно?

— Очень просто. Если машина ещё ездит — новая не положена. Особенно молодому дипломату.

— Это почему же такая несправедливость?

— А вдруг ты её поцарапаешь! Или не дай Бог в аварию попадёшь!

— Да, аргумент весомый.

— Правда аварий у него ещё не было.

После этих слов водитель любовно погладил капот. Капот неожиданно скрипнул в ответ.

— Видишь? Он всё слышит.

Родион усмехнулся и взял ключи.

— И как зовут этого дуайена дипломатического корпуса?

— Никак. Каждый хозяин сам имя придумывает.

Атташе задумался. Автомобиль был большой, тяжёлый, неторопливый и производил впечатление существа, которое спокойно переживёт ядерную войну, смену правительства и конец света.

— Тогда будет Бегемот.

Голяков расплылся в улыбке.

— Хорошее имя.

Родион похлопал машину по капоту.

— Ну что, Бегемот? Будем дружить?

Двигатель неожиданно тихо чихнул.

— Смотри-ка, — удивился водитель. — Обычно он с новыми хозяевами месяц не разговаривает.

Родион рассмеялся. А Голяков отвернулся, чтобы скрыть довольную улыбку. Наконец-то удалось официально передать кому-то этот музейный экспонат, который последние три года числился за гаражом и требовал столько внимания, будто был не автомобилем, а четвёртым ребёнком в семье.

Впрочем, истинный профессионал своего дела, Голяков, уже через неделю начал скучать по Бегемоту. Потому что некоторые машины, как и люди, со временем становятся родственниками.

Дельный совет

— Ольга Ивановна, с вашего позволения. Разумовский Родион Сергеевич. Прибыл на должность атташе.

За огромным письменным столом восседала импозантная женщина лет пятидесяти с хвостиком.

Ухоженность её была безупречной. Причёска, макияж, маникюр, дорогое платье и многочисленные кольца с камнями создавали впечатление, будто перед Родионом находится не главный бухгалтер посольства, а хозяйка какого-нибудь столичного салона.

Особенно впечатляли кольца. Их было столько, что Родиону на мгновение показалось, будто каждая командировка оставляла на её руках по одному драгоценному воспоминанию.

Ольга Ивановна подняла глаза от документов и улыбнулась. Улыбка была тёплой, но одновременно какой-то очень глубокой. Так улыбаются люди, которых уже трудно чем-либо удивить.

— Здравствуйте, здравствуйте, молодой человек. Заждались вас порядком. Скоро год как должность пустует. Денег, конечно, сэкономили немало, но Фома Спиридонович уже готов был из собственного кармана доплачивать, лишь бы эту дыру закрыть.

Она указала рукой на стул.

— Присаживайтесь.

Родион передал документы. Ольга Ивановна быстро просмотрела бумаги.

— Расчёт-аттестат на месте. Хорошо. Подъёмные получите в кассе. Зарплату — в последний рабочий день месяца. Если раньше шести месяцев решите покинуть Задонию, подъёмные придётся вернуть.

Она произнесла это с такой обаятельной улыбкой, будто приглашала на праздничный ужин.

— Благодарю вас. Всё предельно понятно.

Родион хотел было подняться, но что-то его задержало.

— Может быть, есть какой-нибудь совет молодому дипломату?

Ольга Ивановна внимательно посмотрела на него поверх очков. В кабинете на несколько секунд повисла тишина. Даже кондиционер словно решил послушать ответ.

— Совет, говоришь...

Она отложила бумаги.

— Смотрю я на тебя и понимаю, что ты ещё веришь, будто успех командировки зависит от страны.

— Разве нет?

— Совершенно точно нет.

— Тогда от чего?

— От людей.

Ольга Ивановна слегка откинулась на спинку кресла.

— Это моя пятая командировка. И эту я выбирала сама.

— Почему именно Задонию?

— Потому что выбирала не страну.

Взгляд бухгалтера острым клинком упёрся в лицо Родиона.

— Я выбирала посла.

Родион удивлённо поднял брови.

— Неожиданный подход.

— Единственно правильный.

Она немного помолчала.

— Молодые дипломаты всегда мечтают о красивых странах. Париж. Рим. Вена. Женева.

Она начала загибать пальцы.

— А потом попадают туда под руководство какого-нибудь самовлюблённого идиота и превращают свою жизнь в каторгу.

— Настолько всё зависит от одного человека?

— Больше, чем ты думаешь.

Ольга Ивановна взяла со стола карандаш.

— Вот скажи мне, если двигатель в машине барахлит, что делают?

— Ремонтируют.

— Если бухгалтер ошибается?

— Исправляют ошибку.

— Если сотрудник ленится?

— Воспитывают.

— Правильно.

Она кивнула.

— А теперь представь, что проблема не в машине, не в бухгалтере и не в сотруднике. Представь, что проблема в самом после.

Родион задумался.

— Наверное, тогда нужно обращаться в МИД?

Ольга Ивановна усмехнулась.

— Молодой ещё.

Она покачала головой.

— Посол — это указ президента. Его не отправят домой потому, что кому-то стало неудобно работать.

Улыбка исчезла с её лица.

— Поверь мне, я видела разные посольства. Видела сотрудников, которые считали дни до окончания командировки. Видела людей, увольнявшихся после двадцати лет службы. Видела семьи, которые разваливались прямо на моих глазах.

— Неужели всё из-за одного человека?

— Поверь мне, да.

Она посмотрела в окно.

— Плохой посол — это не начальник. Это климат.

— Климат?

— Именно.

Она подняла карандаш.

— Если за окном плюс сорок пять, ты можешь купить вентилятор, открыть окно, пить холодную воду. Но Задония от

этого не станет Норвегией.

— Логично.

— Вот и здесь так же. Хороший руководитель может сделать тяжёлую командировку счастливой. А плохой способен превратить райское место в каторгу.

— И ничего нельзя сделать?

— Можно.

— Что?

— Терпеть. Или уезжать домой.

Ответ прозвучал спокойно и буднично.

— Иногда судьба даёт тебе хорошего начальника. Иногда плохого мужа. Иногда хорошего соседа. Иногда плохого посла.

Она пожала плечами.

— Мудрость приходит тогда, когда начинаешь понимать: есть вещи, которые можно изменить. И есть вещи, которые остаётся только пережить.

Родион задумчиво кивнул.

— Значит, Фома Спиридонович прошёл ваш отбор?

— Прошёл.

На лице Ольги Ивановны появилась улыбка.

— С отличием.

Она положила карандаш на стол.

— Но хороший посол — это только половина дела.

— А вторая половина?

— Коллектив воспитанный руководителем.

Родион внимательно посмотрел на неё.

— Руководитель — это как капитан корабля. Если капитан опытный, команда спокойно переживёт и шторм, и поломки, и нехватку припасов.

— А если плохой?

— Тогда корабль может утонуть даже в тихой гавани.

Она сделала небольшую паузу.

— Но даже самый лучший капитан ничего не стоит без команды.

Бухгалтер кивнула в сторону двери.

— В нашем посольстве электрик считает себя важным человеком.

— И правильно считает.

— Водитель спорит с дипломатом.

— И правильно делает.

— Завканц суёт нос во все дела.

— Это я уже заметил.

Ольга Ивановна рассмеялась.

— Потому что Фома Спиридонович никого не боится делать значимым.

— Почему?

— Потому что сам не боится выглядеть меньше.

Родион задумался. Фраза показалась ему неожиданно глубокой и философской.

— Большинство начальников хочет, чтобы рядом стояли исполнители.

— А хорошие?

— Хорошие хотят, чтобы рядом стояли личности.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Поэтому люди и едут за таким руководителем хоть в Задонию, хоть в Антарктиду.

В кабинете наступила тишина.

— Так что иди работай, Родион Сергеевич.

— Есть.

— И постарайся не подвести Фому Спиридоновича.

— Постараюсь.

— Потому что хороший начальник — это редкость.

Она улыбнулась.

— А редкие вещи нужно беречь. Это и будет тебе мой совет.

Часть III. Работа по специальности

Задония

Даже бывалые путешественники, а уж тем более дипломаты, способны буквально с первых часов уловить неповторимый колорит каждой африканской страны. При всех общих чертах континента существует бесчисленное множество нюансов и особенностей, заслуживающих внимания и уважения со стороны иностранца, впервые ступившего на африканскую землю.

Задония отличалась от своих соседей примерно так же, как отличаются друг от друга жильцы одной и той же типовой многоэтажки. Дом вроде бы один, стены одинаковые, планировка стандартная, а за каждой дверью — совершенно иной мир со своими привычками, порядками и семейными традициями.

В каком-то смысле Родиону очень повезло, что судьба забросила его именно в Задонию, а не в соседнюю Габдону. Здесь люди были заметно мягче и доброжелательнее. Здесь коррупция носила почти дружелюбный характер, а попрошайки отличались редкой для своей профессии деликатностью.

Если в Габдоне грабитель мог подойти к вопросу изъяс-

тия чужого имущества агрессивно и с использованием огнестрельного либо холодного оружия, то в Задонии всё происходило значительно скромнее. Сумку обычно просто вырывали из рук и быстро исчезали в неизвестном направлении, избавляя потерпевшего от лишнего стресса, связанного с созерцанием направленного в лицо пистолета.

В Габдоне российский дипломат, стоя в бесконечной автомобильной пробке, рисковал получить увесистый удар когтылем по машине, если проигнорировал попрошайку или, что ещё хуже, проявил недостаточную щедрость. Искать после этого справедливость было занятием столь же бессмысленным, как искать свежий снег на экваторе.

В Задонии же попрошайки радовались любой подачке. А если денег им не давали вовсе, они лишь печально удалялись, оставляя жадного иностранца наедине с собственной совестью и кондиционером служебного автомобиля.

Но главным достоинством Задонии являлось даже не это. Местные представители правопорядка прекрасно понимали значение дипломатического статуса. Они вполне могли остановить машину дипломата, проверить документы и даже сделать строгое лицо. Однако им редко приходило в голову эвакуировать дипломатический автомобиль на штрафстоянку без объяснения причин, изымать документы с последующим предложением выкупить их обратно или требовать оплатить штраф прямо на месте за нарушение, существовавшее исключительно в богатом воображении инспектора.

Столь разительные различия между Задонией и Габдоной выглядели несколько загадочно. Обе страны прошли практически одинаковый исторический путь. Обе когда-то считались процветающими колониями одних и тех же колонизаторов и уверенно двигались к светлому цивилизованному будущему. Обе примерно одновременно пришли к выводу, что проклятые колонизаторы бессовестно пьют кровь трудового народа. Обе примерно одновременно изгнали их со своей территории, попутно национализировав всё имущество, которое удалось найти и которое не успели вывезти прежние владельцы.

Свобода оказалась значительно более сложной в эксплуатации, чем предполагалось в революционных лозунгах. Практически сразу после обретения независимости некогда процветающие государства начали постепенно превращаться в процветающие помойки. Именно так. Слово «процветающие» вполне подходило к обеим частям этого определения.

Однако и здесь столица Задонии — Мабуда — заметно выигрывала у столицы Габдоны — Лоханды.

Жители Мабуды относились к мусору с некоторым уважением и не считали необходимым немедленно бросать его себе под ноги. Кроме того, им удалось постичь одну из величайших тайн городской цивилизации — назначение канализации.

Поэтому Мабуда, в отличие от Лоханды, не благоухала ароматами сточных вод, текущих по открытым канавам

вдоль улиц. В Лоханде подобные канавы превращали обычную прогулку в сложное спортивное мероприятие, требующее хорошей координации движений, развитого чувства равновесия и искренней веры в собственную удачу.

Но существовали и черты, одинаково присущие обоим народам — этим беззаботным детям природы. Прежде всего — патологическое отсутствие пунктуальности. Боязнь выполнить что-либо в заранее оговорённый срок, казалось, передавалась здесь по наследству. О необязательности задонцев и габдонцев можно было слагать легенды, писать научные монографии и защищать докторские диссертации. Со временем у российских дипломатов даже сформировался своеобразный словарь местных временных понятий, позволявший хоть как-то планировать работу.

Слово «сейчас» означало ближе к вечеру или, в крайнем случае, завтра утром. Словосочетание «прямо сегодня» следовало понимать как «через пару дней». Фраза «завтра утром» предполагала возможность решения вопроса в течение ближайшей недели. Выражение «сделаем в самое ближайшее время» означало, что вопрос действительно когда-нибудь будет решён, но это не точно. А вот обещание «обязательно сделаем» опытному дипломату подсказывало лишь одно — пора набраться терпения и не беспокоить уважаемых людей по этому поводу как минимум ближайший год.

При этом и Задония, и Габдона обладали удивительной

природой. Стоило лишь покинуть шумные города и отправиться в места, ещё не окончательно испорченные цивилизацией, как путешественник получал возможность перенестись на тысячу лет назад. Здесь природа оставалась такой же величественной и первозданной, какой её видели первые люди много тысяч лет назад.

Именно там Африка открывалась во всей своей красоте — бескрайними саваннами, древними лесами, удивительными животными и тем особым ощущением свободы, которое невозможно ни описать словами, ни забыть спустя годы.

Дружеский экскурс в законскую действительность

Родион с интересом осматривал территорию посольского комплекса. Высокие деревья и экзотические растения радовали глаз. Воздух был наполнен благоуханием незнакомых ароматов, в которых угадывались цветы, нагретая солнцем листва и ещё что-то неуловимое, свойственное только тропикам.

Взор его упал на открытую дверь, над которой красовалась табличка: «Консульский отдел. Служебный вход».

Он подошёл и громко постучал.

— Заходите. Открыто же! — раздался из глубины помещения голос Филатова.

Родион осторожно переступил порог. Перед ним представало несколько комнат, напоминавших одновременно бухгалтерию старого предприятия и офис районного нотариуса. Вдоль стен стояли стеллажи с бесчисленными папками, делами и стопками бумаг. Мониторы компьютеров светились замысловатыми таблицами, списками и графиками. Свободные участки стен были сплошь увешаны инструкциями, памятками и выписками из приказов.

Вся обстановка без слов говорила о том, что здесь действительно работают. Не создают видимость деятельности,

не коротают служебные часы в ожидании конца рабочего дня, а именно работают. Причём работают с тем особым фанатизмом, который обычно появляется там, где сотрудников меньше, чем обязанностей.

Из соседнего кабинета выглянула голова Алексея.

— А-а, Родион Сергеевич! Добро пожаловать в мою вотчину! Очень правильно, что знакомство начинаешь с самого главного направления работы посольства.

Консул поставил поудобнее стул и жестом предложил Родиону присесть.

— Первое время тебе нужно больше спрашивать и впитывать информацию. Главное — не наступить в дерьмо обеими ногами в первые же дни. А то потом будешь долго пахнуть и ещё дольше отмываться.

— Надеюсь избежать этой участи. В том числе благодаря советам старожилов, — улыбнулся Родион.

— Основное правило касается не только Задонии, а вообще любого иностранного государства. Страну нужно полюбить душой, какой бы неприветливой она ни казалась поначалу. Хочешь понять местных — стань немного задонцем. Но при этом не потеряй лицо цивилизованного человека. Нужно погрузиться в местную жизнь, раствориться в ней. Главное — вовремя остановиться. А то посол и министерство могут тебя не понять.

Филатов рассмеялся и с явным удовольствием продолжил:

— Задонцы, как и многие африканцы, не склонны перерабатывать на работе. Сам климат располагает к иной философии существования. Здесь человеку не приходится ежедневно бороться за выживание так, как это веками делали народы более суровых широт.

Родион заметно заинтересовался. Именно в таких неформальных беседах зачастую содержалось больше полезной информации, чем в толстых аналитических справках.

— Представь себе русского человека. Чтобы просто жить, ему необходимо постоянно прилагать усилия. Нужны дом, отопление, одежда, запасы еды, работа, пенсия, социальные гарантии. Зима не прощает беспечности. Ошибся — расплачиваешься здоровьем, а иногда и жизнью.

— Неужели здесь без этого можно обойтись? — перебил его Родион.

— Здесь другая философия жизни, дорогой друг. Большинство задонцев, этих детей природы, как я их иногда называю, совершенно искренне не понимают, зачем ходить на работу каждый день. Они не понимают, что такое трудовая дисциплина. Как можно сорок лет подряд вставать в шесть утра и ехать на завод. И главное — ради чего?

Алексей развёл руками.

— Мир ведь и так прекрасен. Над головой голубое небо. Вокруг тепло. Фрукты растут сами. Рыба плавает в океане. Родственники рядом. Чего ещё желать человеку?

Родион внимательно слушал.

— И не спеши считать их ленивыми. Это распространённое заблуждение иностранцев. Ленивый человек ничего не делает даже тогда, когда действительно должен. А задонец способен работать сутками напролёт, если понимает смысл работы. Просто его представление о смысле жизни сильно отличается от нашего.

Консул поднял указательный палец.

— Мы оцениваем успех количеством достижений. Дом построил, карьеру сделал, денег заработал. А многие здесь оценивают успех количеством спокойно прожитых дней. Чувствуешь разницу?

Родион кивнул.

— Ты можешь относиться к моим словам критически, но факты — вещь упрямая. Назови мне хотя бы одну страну в этом регионе с развитым высокотехнологичным производством, не связанным с добычей полезных ископаемых. Где заводы, выпускающие автомобили, станки, электронику, бытовую технику? Где промышленность, способная конкурировать на мировом рынке?

— Может быть, всё дело в нехватке технологий?

— Это вершина айсберга и любимое объяснение многих экспертов, — возразил Алексей. — Щёлкни пальцем — и через полгода китайцы построят здесь десять заводов. Рабочая сила дешёвая, безработица высокая, рынок огромный. Но почему-то никто особо не спешит превращать Африку в новый промышленный центр мира. И вот я задаю тебе во-

прос: почему?

Родион задумался.

— Нужны квалифицированные кадры и время на их подготовку.

— Тепло, но не совсем. Пробовали уже не раз. Тем более что обучить человека выполнять простые операции на конвейере не такая уж большая проблема. Нажал кнопку, перенёс деталь, загрузил, упаковал. И так восемь часов. Потом ещё восемь. Потом месяц. Потом год. Потом всю жизнь.

На несколько секунд в кабинете воцарилась тишина.

— Знаешь, что меня поразило в первый год работы в Задонии? Здесь никто никуда не торопится. Совсем. Сначала это кажется милой особенностью. Потом начинает раздражать. Затем сводит с ума. А через пару лет замечаешь, что сам назначил встречу на десять часов и пришёл к одиннадцати без малейших угрызений совести.

Родион невольно улыбнулся.

— Именно тогда понимаешь, что Задония уже проникла тебе под кожу.

Алексей тоже улыбнулся.

— Я много раз вспоминал один старый анекдот, разговаривая с молодыми задонцами. Когда спрашивал их, почему бы не приложить усилия ради будущего успеха, каждый раз видел в глазах искреннее непонимание. Хочешь, расскажу?

— Давай.

— Лежит задонец под пальмой, ест банан и наслаждается

жизнью. День лежит, два лежит, неделю лежит. Наблюдает за ним белый «поработитель» и наконец говорит: «Послушай, друг. Почему бы тебе не посадить ещё несколько пальм и не выращивать бананы на продажу?»

«А зачем?» — спрашивает задонец.

«Соберёшь урожай, продашь его, заработаешь деньги».

«И что?»

«Потом посадишь ещё деревья, наймёшь работников».

«И что?»

«Потом станешь богатым человеком!»

«И что?»

«Ну... потом сможешь лежать под пальмой и ничего не делать».

«Так я уже этим занимаюсь», — удивился задонец и продолжил смотреть на небо.

Закончив рассказ, Филатов искренне рассмеялся, словно услышал эту историю впервые.

— Только не думай, что это относится ко всем подряд. Здесь хватает людей талантливых, трудолюбивых и амбициозных. Есть те, кто действительно хочет изменить жизнь своей страны. Есть родители, которые готовы работать на трёх работах ради образования детей. Есть предприниматели, которые рискуют всем ради собственного дела.

Филатов ненадолго задумался.

— Но иногда мне кажется, что мы пытаемся понять Африку совсем не с той стороны.

Он посмотрел в окно.

— Мы всё время спрашиваем, сколько здесь заводов, электростанций и километров дорог. Но почти никогда не спрашиваем, почему люди, живущие здесь столетиями, не считали это главным.

Алексей помолчал.

— Возможно, Африка беднее нас в одних вещах и богаче в других. Просто эти богатства не отражаются в статистике и не учитываются в отчётах экономистов.

Он повернулся к Родиону.

— Иногда мне кажется, что мы приходим сюда с готовыми ответами, так и не поняв вопроса.

Теперь задумался уже Родион. В словах товарища чувствовались и опыт прожитых в Задонии лет, и знание людей, и искреннее желание понять страну, которую большинство иностранцев предпочитало оценивать на расстоянии.

Их разговор был внезапно прерван громким стуком в окно приёма посетителей. Филатов недовольно поморщился.

— Вот и практическое занятие началось. Теорию мы закончили.

Родион обернулся. В зале посетителей стоял весьма колоритный представитель местного населения. Природа явно создавала его в хорошем настроении и ни в чём себе не отказывала. Кожа посетителя была настолько тёмной, что казалась не чёрной, а отливающей синевой. Огромный нос занимал центральное место на лице и выглядел как самосто-

ятельный архитектурный объект. Губы же были столь внушительных размеров, что при желании могли служить спасательным кругом средней вместимости. Особенно поражали глаза. Казалось, они жили собственной жизнью и лишь из вежливости продолжали оставаться в пределах лица своего хозяина.

Посетитель терпеливо смотрел в окно. Алексей подошёл к бронированному стеклу, открыл переговорное окошко и вопросительно поднял брови.

— Чем могу помочь?

Посетитель оживился.

— Эгуа...тибдзу...агуа...виа...заа...

В кабинете повисла тишина. Родион перевёл взгляд на Алексея. Консул перевёл взгляд на посетителя. Посетитель с надеждой посмотрел на обоих. Все трое честно пытались понять друг друга. Безуспешно.

— Простите, уважаемый господин, — предельно вежливо произнёс консул. — Не могли бы вы повторить?

Посетитель вдохновился.

— Аот...бпте...втоп...лыран...джвге...вин...зак...

Теперь даже кондиционер на стене притих, тщетно пытаясь разобрать сказанную посетителем фразу. Родион начал подозревать, что присутствует при первом в мировой дипломатической практике контакте двух разумных цивилизаций. Консул задумчиво закрыл переговорное окно.

— Вот тебе ещё одна особенность местной жизни, — ска-

зал он, возвращаясь к столу. — Многие жители отдалённых районов начинают изучать официальный язык только в школе. Дома разговаривают на одном наречии, соседи на другом, родственники на третьем. В итоге иногда получается очень интересный лингвистический коктейль.

— А что он сказал? — осторожно спросил Родион.

— Если бы я знал, мы бы уже работали с его документами.

— Может, это был вопрос?

— Может.

— Или просьба?

— Тоже может.

— Или проклятие?

— Не исключено.

Родион с трудом сохранял серьёзное выражение лица. Алексей между тем выглядел совершенно невозмутимым. За годы работы его уже мало чем можно было удивить. Он вновь открыл окошко и наклонился к переговорному устройству.

— Уважаемый господин, до тех пор пока вы не сможете объяснить мне цель своего визита понятным образом, приходить сюда бессмысленно. Либо приводите переводчика. Либо найдите человека, который сможет сформулировать вашу мысль на государственном языке страны пребывания.

После этого Алексей спокойно закрыл окно и сел напротив.

— Теперь наблюдаем, — сообщил он Родиону.

— Что именно?

— Рождение взаимопонимания.

Посетитель отступил от окна на несколько шагов. Лицо его приобрело крайне сосредоточенное выражение. Было видно, что внутри головы идёт напряжённая работа. Настолько напряжённая, что Родиону показалось: ещё немного — и над посетителем появится лёгкий дымок.

Тот стоял неподвижно несколько минут. Шевелил губами. Что-то бормотал. Жестикулировал. Один раз даже поднял палец вверх, словно сделал важное научное открытие. Наконец огромная ладонь вновь постучала в стекло. Алексей неторопливо открыл окно. На этот раз посетитель выглядел человеком, который только что успешно сдал очень сложный экзамен. Он сделал глубокий вдох. Губы его заметно подобрались и перестали напоминать два отдельных живых организма. С предельной концентрацией сил он медленно произнёс:

— Йа... хоотееть... поолучыить... виизаа...

Филатов радостно хлопнул ладонью по столу.

— А-а-а! Ну, что же вы голубчик сразу не сказали!

Посетитель облегчённо выдохнул. Родион был готов поклясться, что ещё немного — и они оба бросятся друг другу в объятия после столь непростого пути к взаимопониманию.

— Давайте документы, посмотрим, чем можем помочь.

Посетитель заулыбался. Консул заулыбался. Даже переговорное окно, казалось, испытало некоторое удовлетворение от успешно завершившихся переговоров.

Родион понял, что его силы на исходе. В памяти всплывали лекции по дипломатическому протоколу, международному этикету и особенностям межкультурного общения. Все эти знания героически пытались удержать ситуацию под контролем. Но смех уже побеждал.

Он поднялся со стула.

— Алексей Евгеньевич, с вашего разрешения, пойду. У меня ещё несколько неотложных дел.

Алексей мельком посмотрел на его покрасневшее лицо.

— Конечно, коллега. Идите. Только недалеко.

Родион быстро вышел за дверь. Несколько секунд в консульском отделе сохранялась благородная тишина. А затем со стороны служебного входа раздался такой раскатистый хохот, что сидевшие на деревьях попугаи тревожно вспорхнули и перелетели на соседние ветки.

Алексей только усмехнулся.

— Молодой ещё, — философски заметил он и принялся изучать документы колоритного представителя Задонии, желающего получить визу в лучшую страну мирового сообщества.

Рынок

К счастью, дорожная сеть Мабуды не отличалась ни московскими масштабами, ни её любовью к транспортным головоломкам. Поэтому уже через несколько минут после выезда из посольства, сделав всего пару поворотов, Родион добрался до центрального продуктового рынка.

«Бегемот» дружелюбно хрюкнул на прощание, когда замок зажигания повернулся в крайнее положение, и покорно замер в ожидании хозяина. Родион выбрался из машины, аккуратно прикрыл дверь и с теплотой посмотрел на капот своего нового друга. В ответ на него уставилась добродушная физиономия бывшего автомобиля с широко распахнутыми фарами-глазами.

С первых дней между молодым дипломатом и этим заслуженным ветераном задонских дорог возникла особая привязанность. Что-то среднее между дружбой, уважением и взаимным пониманием. Родион даже поймал себя на мысли, что перспектива однажды пересесть на новый автомобиль вызывает у него гораздо меньше радости, чем должна была бы вызывать у нормального человека.

Оставив «Бегемота» отдыхать под раскидистым деревом, он направился к рынку.

Это был его первый самостоятельный выход в город. Не дипломатический приём, не официальный визит в мини-

стерство и не протокольное мероприятие. Просто встреча с людьми. Настоящее знакомство с народом Задонии — страшно, которую ему ещё только предстояло понять и полюбить.

Впрочем, рынок начался задолго до торговых рядов. Продавцы попроще оккупировали все подступы к нему. Они сидели вдоль заборов и тротуаров, разложив нехитрый товар прямо на земле. Медленно прохаживались навстречу покупателям с лотками в руках. Окликали прохожих, спорили, смеялись и что-то оживлённо обсуждали между собой.

Всё вокруг было настолько ярким, шумным и непривычным, что Родион на мгновение растерялся. Казалось, он очутился внутри огромного живого организма, который двигался, разговаривал и торговал одновременно.

Особенно его поразили местные женщины. Одетые в свободные платья самых невероятных расцветок, они словно несли на себе все краски африканского континента. На фоне пыльных улиц и выгоревших фасадов их наряды выглядели праздничным салютом, застывшим среди будничной суеты.

Многие несли за спиной детей. Одни младенцы только недавно появились на свет, другие уже достигли весьма солидного по местным меркам возраста — двух, а то и трёх лет.

Но больше всего Родиона удивило другое. Он вдруг осознал, что не слышит ни плача, ни капризов, ни детских требований немедленно изменить устройство окружающего мира. Малыши спокойно прижимались к спинам своих матерей и с философским спокойствием наблюдали за жизнью

вокруг. С высоты своего положения они взирали на человечество так, словно уже успели многое понять и теперь лишь проверяли правильность собственных выводов.

От одной картины Родион едва не поперхнулся от удивления. Навстречу ему двигалась высокая чернокожая красавица в ярком платье, подчёркивавшем её безупречную фигуру. На голове женщины, покоясь на аккуратно свернутом куске ткани, возвышался огромный газовый баллон.

Самое удивительное заключалось в том, что она совершенно его не придерживала. Баллон словно являлся естественным продолжением её организма. Он не шатался, не наклонялся и даже не делал попыток продемонстрировать законы земного притяжения.

Но и это было ещё не всё. Из-за её спины выглядывала пара любопытных детских глаз. Судя по размерам владельца этих глаз, ему уже исполнился как минимум год.

В обеих руках красавица несла тяжёлые сетки, наполненные фруктами, овощами и какими-то загадочными кореньями, назначение которых Родион не смог бы определить даже под угрозой дипломатического скандала.

При этом женщина двигалась легко и грациозно, словно направлялась не с рынка домой, а по подиуму на показ высокой моды. Она успевала приветствовать знакомых, улыбаться прохожим своей ослепительной улыбкой и даже поддерживать разговор.

Поравнявшись с российским дипломатом, который уже

начал сомневаться в собственных представлениях о человеческих физических возможностях, женщина остановилась возле подруги и как ни в чём не бывало принялась болтать с ней.

Баллон остался на месте. Ребёнок тоже. Сетки никуда не делись. Зато у Родиона возникло стойкое ощущение, что где-то в Задонии существуют специальные курсы для женщин, на которых преподают основы равновесия, выносливости и тайные законы мироздания.

Но не это самое главное. Чего только не приходится переносить женщинам, в том числе и тяжёлый труд, и тяжёлую ношу. Больше всего Родиона поразило то, что рядом с ней преспокойно шёл её муж, у которого в руках не было абсолютно ничего, если только, конечно, не считать открытой бутылки пива, из которой он периодически с нескрываемым удовольствием отхлёбывал очередную порцию живительной влаги.

Родион проводил эту семейную процессию взглядом и задумчиво покачал головой.

— Вот ведь удивительный народ, — пробормотал он себе под нос. — Если бы ЮНЕСКО вручало премии за умение правильно распределять обязанности в семье, то Задония уверенно заняла бы первое место.

Мужчина тем временем что-то весело рассказывал супруге, активно жестикулируя свободной рукой. Судя по выражению лица, речь шла о чём-то чрезвычайно важном. Воз-

можно, о международной политике. Возможно, о футболе. А возможно, и о преимуществах различных сортов местного пива. Последнее казалось наиболее вероятным.

Чем глубже Родион погружался в рынок, тем больше понимал, что все его представления об Африке были составлены людьми, которые никогда здесь не были.

Слева какая-то старушка торговала манго размером с хорошую артиллерийскую мину. Справа мужчина предлагал покупателям живых кур. Причём куры проявляли гораздо больший интерес к покупателям, чем покупатели к курам.

Вдруг одна из них решительно вырвалась из рук продавца и понеслась прямо по проходу.

— Лови её! Лови! — закричал торговец.

К удивлению Родиона, ловить курицу бросились человек десять. Причём большинство из них явно не имели к ней никакого отношения. Курица ловко маневрировала между прилавками, демонстрируя скорость и спортивную подготовку, достойную национальной сборной Задонии по лёгкой атлетике. Через минуту её всё-таки поймали. Толпа разочарованно разошлась.

— Эх, — вздохнул стоявший рядом старик. — В прошлом месяце одна забежала в соседний полицейский участок. Вот это было представление. Когда в участок ворвалась возбуждённая толпа и начала по нему бегать, полицейские подумали, что в стране произошёл переворот. И сразу же начали сдавать оружие и клясться народу в преданности... Вот бы-

ло смеха!

Родион невольно улыбнулся.

Рынок жил своей собственной жизнью. Здесь никто никому особенно не спешил. Люди разговаривали, торговались, смеялись, обсуждали новости и погоду. Многие были знакомы друг с другом. Некоторые, казалось, были знакомы вообще со всеми.

В какой-то момент внимание Родиона привлёк торговец фруктами. Перед ним возвышалась настоящая пирамида из бананов, ананасов, папайи и ещё десятка неизвестных дипломату плодов.

Заметив белого покупателя, торговец моментально оживился.

— Друг! Иди сюда! Лучшие фрукты во всей Африке!

— Спасибо, я пока просто смотрю.

— Смотреть бесплатно. Покупать тоже почти бесплатно.

— Почти?

— Совсем бесплатно мне жена не разрешает.

Родион рассмеялся.

— Разумная женщина.

— Очень разумная, — печально подтвердил торговец. —

Иногда даже слишком.

После этих слов оба посмотрели куда-то в сторону рынка и одновременно вздохнули. Каждый по своим причинам. И именно в этот момент Родион неожиданно почувствовал себя здесь удивительно спокойно. Впервые с момента приезда

он был не дипломатом, не представителем великой державы и не сотрудником посольства. Он был просто человеком среди других людей.

А шумный рынок Мабуды вдруг перестал казаться чужим. Он оказался удивительно живым. И удивительно настоящим.

Внезапно Родион почувствовал лёгкое прикосновение к плечу. Он обернулся. Позади никого не оказалось. Лишь немного опустив взгляд вниз, дипломат обнаружил владельца этого прикосновения.

Перед ним стоял худенький чернокожий мальчишка лет двенадцати, а может и четырнадцати. На нём была выцветшая футболка, когда-то, вероятно, бывшая белой, короткие шорты и стоптанные сандалии. В руках он держал большую плетёную сетку, а на лице красовалось выражение человека, который уже давно разобрался в устройстве этого мира и теперь снисходительно наблюдает за теми, кто ещё только пытается это сделать.

Особенно выделялись его глаза. Слишком внимательные для его возраста. Слишком спокойные. Такими глазами обычно смотрят старики, пережившие несколько войн, три революции и неудачный брак.

— Привет. Меня зовут Бальтазар, — представился мальчишка. — Давай я помогу тебе покупки носить.

— Спасибо, парень, но я вроде пока и сам неплохо справляюсь.

Бальтазар внимательно посмотрел на него. Так внимательно-

но оценивают новый автомобиль перед покупкой или подозрительно дешёвую рыбу на рынке.

— Да? — наконец произнёс он. — А давно ты в Мабуде?

— Второй день.

— Тогда понятно.

— Что понятно?

— Что ты ещё думаешь, будто справляешься сам.

Сказано это было без тени насмешки. Скорее как врач общается пациенту неприятный, но очевидный диагноз.

— И что ты предлагаешь?

— Очень выгодное сотрудничество.

Бальтазар деловито поправил сетку на плече.

— Ты даёшь мне два доллара.

— И?

— Экономишь в разы больше.

— А если не дам?

— Тогда потратишь в два или три раза больше.

Родион рассмеялся.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что ты белый.

— Железная логика.

— Для рынка Мабуды вполне достаточная.

После чего мальчишка по-хозяйски положил руку ему на плечо.

— Пойдём. Пока тебя ещё никто не успел купить вместе с этим рынком.

— Хорошо, Бальтазар. Уговорил.

— Правильное решение, — удовлетворённо кивнул паренёк. — А ты кто вообще? Турист?

— Нет. Работаю здесь.

— Врач?

— Нет.

— Учитель?

— Нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.